

INSPIRIA

ТЕРЕЗА ЭНН
ФАУЛЕР

«Провокационный,
захватывающий роман»
PEOPLE

ХОРОШЕЕ
СОСЕДСТВО

INSPIRIA

Novel. Частная история

Тереза Энн Фаулер
Хорошее соседство

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Фаулер Т.

Хорошее соседство / Т. Фаулер — «Эксмо», 2020 — (Novel. Частная история)

ISBN 978-5-04-117825-3

«Великолепный новый дом в старом районе. На шезлонге у бассейна девушка, которая хочет побыть одна. Мы начнем нашу историю с этого момента, за несколько минут до события, изменившего все... Воскресный майский вечер, в который жители района, как обычно, искали тонкую грань, хлипкий баланс между старым и новым, нами и ними. Потом, уже после похорон, представители СМИ будут выяснять, кто виноват. Станут заставлять свидетелей говорить на камеру, на чьей они стороне. К вашему сведению: мы ни на чьей стороне быть не хотели». Читайте провокационный и захватывающий роман «Хорошее соседство», ставший бестселлером The New York Times. «Восхитительно... Я прочла эту книгу за один присест». — Джоди Пиколт, автор бестселлера «Уроки милосердия» «Захватывающая история о современной морали». — Тари Конклин, автор бестселлера «Последний романтик» «Неподражаемо. У Терезы Энн Фаулер достаточно эмпатии, чтобы создать персонажей, которых мы долго не забудем». — Kirkus Reviews «Глубокомысленное исследование современных предрассудков». — Publishers Weekly

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-117825-3

© Фаулер Т., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Благодарности	7
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	31
Глава 8	37
Глава 9	41
Глава 10	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Тереза Энн Фаулер

Хорошее соседство

Венди и Джону, которые всегда видят меня насквозь

Благодарности

Эта история сформировалась в моих мыслях задолго до того, как я была готова ее записать. «Хорошее соседство» заметно отличается от исторических романов, по которым меня знают читатели, и такая резкая смена жанра могла оказаться рискованной для моей карьеры. Но мои герои и их переплетенные судьбы, история их конфликтов и все, что за ней последовало, не оставили мне выбора. Написать эту книгу было необходимо, она стала своего рода митингом протеста в трудные и тревожные времена.

Кроме того, мне как белой женщине было довольно проблематично описать ситуацию с позиций двух афроамериканцев, неотъемлемой составляющей книги. Я с уважением отнеслась к своей работе, ставя целью точное воспроизведение событий, понимая, что белые писатели многое могли истолковать неправильно. Примерно в это же время я услышала речь Зэди Смит. Отвечая на вопрос, стоит ли белым авторам вообще описывать события с точки зрения темнокожих, Смит сказала, что автор, в общем-то, может писать о чем хочет. «Если ваши герои не похожи на вас, – сказала она, – нужно просто хорошо делать свою работу». Я услышала ее слова. Я провела большую работу (и в этом, и во всех других отношениях) и, усвоив все выученные уроки, написала книгу.

Листая страницы, я вижу моих друзей и соседей, своих близких знакомых, жителей моей страны и всего нашего тесно взаимосвязанного мира. Я надеюсь, что моя история расскажет читателям, как легко хорошим людям сделать неудачный выбор, не из злого умысла, а из-за привычек или убеждений, невнимательности или страха. Эта история доказывает, что порой злоба делает свое черное дело, но мы должны стать силой, которая не даст ей победить.

Я хочу выразить свою благодарность людям, чье участие, экспертные мнения, поддержка, вера в меня и дружба помогли мне написать и опубликовать эту книгу: Венди Шерман, Саре Кантин, Салли Ричардсон, Джен Эндерлин, Лизе Сенз, Джорджу Уитту, Дори Уайнтрауб, Рейчел Дайбел, Джессике Циммерман, Люси Стилле, Дженни Майер, Шериз Фишер, Трине Аллен. Особая благодарность Ольге Грлик за очередной потрясающий дизайн обложки и всей команде издательства «Сент-Мартин пресс», а также агентам по продажам и авторам, которые прочитали мою книгу очень быстро и охотно написали доброжелательные отзывы.

Что касается самых близких людей, я благодарна Шэрон Куртцман, которая все слышит и ничего не говорит. И всем братьям-писателям, общение с которыми так обогатило мой творческий путь. Повторяю снова и снова: вы круты, и наша дружба несокрушима.

Привет сыновьям; опыт их воспитания тоже многое дал моей книге, к тому же они просто отличные парни. И, наконец, еще одному классному парню, невероятно талантливому автору Джону Кесселю¹, всегда готовому поддержать меня, что-то посоветовать, посочувствовать, подкрепить мои силы, человеку, который никогда не возражает, если я порой целый день работаю в халате, поскольку и сам так делает.

¹ Джон Кессель – автор научно-фантастических романов и по совместительству супруг Терезы Энн Фаулер.

Часть первая

Глава 1

Великолепный новый дом в старом районе. На шезлонге у бассейна девушка, которая хочет побыть одна. Мы начнем нашу историю с этого момента, за несколько минут до небольшого события, изменившего все. Воскресный майский вечер, в который жители района, как обычно, искали тонкую грань, хлипкий баланс между *старым* и *новым*, *нами* и *ними*. Потом, уже после похорон, представители СМИ будут выяснять, кто виноват. Станут заставлять свидетелей говорить на камеру, на чьей они стороне.

К вашему сведению: мы ни на чьей стороне быть не хотели.

* * *

Джунипер Уитмен, девушке у бассейна, было семнадцать. Трудный возраст, без сомнений, даже если все идет как надо; а нам казалось, что у нее все как надо. Говорить, что первое впечатление обманчиво – банальность, и мы этого говорить не будем. Мы скажем: нельзя судить только по тому, что видно глазу. Мы скажем: большинство людей прячет то, что их тревожит и смущает, показывая лишь те стороны своей жизни, которые, на наш взгляд, оценят и полюбят другие. Джунипер что-то скрывала, и она не знала сама, стыдиться ей этого, злиться или принимать как должное.

Двор нового дома намного меньше, чем в прежнем доме Джунипер – тот в три акра, а этот и до полутора не дотягивал. И куда ей было идти, когда хотелось скрыться от посторонних глаз, но не разрешалось уходить со двора? Здесь почти не осталось места, не занятого домом и бассейном, места, где можно было спрятаться. Никакого личного пространства. Раньше Джунипер сидела под высокими австралийскими соснами позади двора, достаточно далеко от дома, чтобы дышать полной грудью и думать. Ей нравилось окружать себя флорой, как выражаются биологи. Ей было хорошо среди растений. Она всегда их любила.

Но тот, кто построил этот большой, сияющий белый дом, вырубил величественные деревья, в тени которых здесь прежде пряталась маленькая хижина; ее снесли безо всяких церемоний, словно штормом или ураганом. Но ни шторма, ни урагана не было. Был только хороший район посреди хорошего города Северной Каролины и покупатели, готовые тратить большие деньги. Вот так здесь появились прекрасный новый дом с маленьким, но дорогим голым двором, и бассейн, и шезлонг, и девушка, и книга.

Джунипер думала, что шуршащие звуки во дворе соседнего дома – дворе с настоящим маленьким лесом: кизил, пекан, каштан, сосна, гигантских размеров дуб, которому было больше лет, чем любому жителю районов, – издавали белки. Она их не любила. Конечно, они очаровательны, но нельзя было убедить их не попадать под колеса машины. К тому же они постоянно залезали в кормушки для птиц и съедали все семена. Джунипер положила книгу на колени и погрузилась в чтение. Роман был интересным, а она научилась с головой уходить в романы.

– Привет, – услышала она явно не беличий голос. Подняла глаза и увидела юношу, стоявшего у границы их двора, там, где еще не построили забор. В одной руке он держал грабли, другую поднял в знак приветствия. – Ты, похоже, новая соседка? Я собирался убрать листья и увидел тебя, так что решил поздороваться.

Его появление удивило Джунипер по двум причинам. Во-первых, она не думала, что здесь кто-то есть. Но даже если бы она ожидала увидеть человека, юношу, подростка примерно ее лет, то ожидала бы, что он будет, как она сама, белым. Но он, несомненно, черный, пусть даже его кожа была светло-коричневой, а волосы, закрученные спиралями – самого темного оттенка золота.

– Привет, – сказала она. – Да. Мы вчера сюда въехали – моя младшая сестра, родители и я.

– Вы приехали из другого города?

– Из этого, но из другого района.

Он широко улыбнулся.

– Здорово. Ладно, не буду тебе мешать. Просто это, ну... добро пожаловать!

– Спасибо.

Если бы этим и закончилось, если бы они ограничились знакомством – все получилось бы намного проще, причем для всех. И это еще слабо сказано.

Глава 2

Климат Северной Каролины – умеренный. Это серьезное достоинство. Зима теплая. Весна наступает рано. Да, летом бывает жарко, но осень приносит облегчение и длится долго. Дубы не сбрасывают листву до декабря, а иногда, если зима выдастся особенно мягкая, некоторые виды, например, каменный дуб с тонкими, хрупкими листьями, похожими на перья, не облетают всю зиму.

Юноша, который в тот день познакомился с Джунипер, Ксавьер Алстон-Холт, знал много о деревьях. Не то чтобы он ими интересовался; гораздо больше его занимала музыка, особенна та, что исполняется на акустических гитарах. Хотя, с другой стороны, гитары ведь делают из дерева, поэтому, когда его мать с бесчисленными подробностями рассказывала ему о разнообразных деревьях, их привычках, обитателях и вредителях (верхнюю строчку этого списка занимали жадные домовладельцы!), он обычно внимательно слушал. И в день, когда его мать стояла во дворе, снимала видео на камеру и плакала, в день, когда на рассвете пришли люди с цепными пилами и заточными дисками и продолжали свое дело до сумерек, а звон в его ушах не смолкал всю ночь, он стоял рядом с ней и обнимал ее за плечи, потому что это было все, что он мог для нее сделать. Она сделала для него так много.

Поэтому Ксавьер не удивился, и мы тоже не удивлены, что его мать не горела желанием познакомиться с новыми соседями, построившими здесь дом. Вэлери Алстон-Холт сомневалась, что сможет подружиться с людьми, потратившими деньги на то, чтобы снести старый дом и вырубить деревья. *Все деревья.* «У таких людей, – говорила она не раз, потому что подобные случаи бывали в Оак Нолле не редкостью, – у таких людей нет ничего святого. Они насилуют окружающую среду. Убивают ее. Деревья – это жизнь. Не только *моя* жизнь, – уточняла она, поскольку ее работа была связана с лесоведением и экологией, – а жизнь вообще. Они в буквальном смысле производят кислород. На каждого человека на планете должно приходиться по крайней мере семь деревьев, иначе мы все начнем задыхаться. Подумайте об этом».

Ксавьер обошел заросший деревьями двор, направился к матери, срезавшей пионы, чтобы приболевший сосед поставил их на столик у кровати. Цветочные грядки вокруг их скромного кирпичного ранчо, построенного в пятьдесят втором году и почти не реставрируемого, были для Вэлери дороже всего, не считая сына и одного-единственного дерева – огромного, высотой в восемьдесят шесть футов, старого дуба, занимавшего большую часть двора. Вам может показаться, что растение не может так много значить. Но это дерево было не только великолепным образцом своего вида, оно было свидетелем мрачных событий и верным другом. Его широкий ствол был первым, что видела Вэлери каждый раз, выглядывая из окон во двор. Он напоминал ей о временах, когда они только что сюда перебрались, в особенности о летней ночи, когда она стояла, прижавшись лбом к узловатой серо-бурой коре, и плакала, пока Ксавьер спал в своей колыбельке, слишком маленький, чтобы понимать, как жестоко их ограбил Господь.

Шесть сортов ирисов. Пионы четырех разных цветов. Азалии, флоксы, подснежники, камелии, рододендрон, клематис, жимолость, жасмин – назовите любое растение, и, если оно в принципе могло прижиться в этом штате, вы нашли бы его во дворе Вэлери Алстон-Холт. Возня с растениями была для нее терапией, как она любила говорить, возможностью сбросить стресс после общения со студентами колледжа – или, как бывало чаще, после общения с заведующим кафедрой или деканом. Ребята были по большей части прекрасные. Любопытные. Умные. Заинтересованные в политике в том смысле, в котором она одобряла – искавшие пути развития, пути, направленные на защиту естественной среды. Ее работа того стоила. Молодежь собиралась спасти мир от самого себя, а Вэлери – вдохновлять ее всеми возможными способами.

– Пора, – сказал Ксавьер.

– Что значит – пора? Ты куда-то собрался? – Вэлери положила в корзину цветы и ножницы, выпрямилась. – Я же попросила тебя убрать сухие листья.

– Я и убираю. Просто у нас новые соседи.

– А, вот ты о чем. Я знаю. Это было неотвратимо. Как смерть, – Вэлери печально улыбнулась.

– Я только что общался с одной из них, – сказал Ксавьер. – Она говорит, что приехала сюда с сестрой и родителями.

– Только четыре человека на такой огромный дом?

Ксавьер пожал плечами.

– Видимо, да.

– Сколько ей лет?

– Девчонке? Да думаю, моя ровесница, плюс-минус. Сестра – младшая. Я о ней не спросил.

Мать кивнула.

– Ну ладно. Спасибо за информацию.

– Сказать тебе, если придут родители?

– Нет. Да. Я, конечно, хочу быть хорошей соседкой.

– Ты и так хорошая.

– Спасибо, Зай.

– Я просто говорю как есть.

– Так и надо, по возможности.

Ксавьер вернулся во двор и стал расчищать листья там, где его мать задумала разместить пруд с золотыми рыбками. Осенью начиналась учеба Ксавьера в консерватории Сан-Франциско, и Вэлери сказала, что ей нужно чем-нибудь заниматься, чтобы не названивать ему каждый день и не донимать расспросами, жив ли он еще на другом краю страны. Он знал, что она шутит и каждый день звонить не станет. Даже если захочет, все равно не станет. Он понимал. Они были своеобразной семьей.

– Занимайся прудом, – сказал он, – и заведи, что ли, роман.

– Ой, кто бы говорил о романах!

Он улыбнулся ей своей знаменитой полуулыбкой, которую обожали все старушки Оак-Нолла, и – мы уверены – все девчонки из его школы.

– Я слишком занят, чтобы тратить время на девушку.

– А по-моему, слишком привередлив.

– Весь в тебя, – сказал он.

Честно говоря, Ксавьер был и занят, и привередлив, но главной причиной оставалась вторая. Он пока не встретил ту, ради которой мог бы изменить своим привычкам. У него были подружки, и среди них девушки, которые стали бы с ним встречаться, прояви он к ним интерес. Но он не проявлял, поскольку достаточно хорошо себя знал, чтобы понимать – ему нужно все или ничего. Так было всегда. В прошлом году он встречался с несколькими девчонками, ради секса и чтобы не упускать возможность, но серьезных отношений не хотел. Его любовью была музыка. Но сейчас он украдкой поглядывал на новую соседку, девушку у бассейна, и спрашивал себя – интересно, как ее зовут? И отвечал сам себе – какая тебе разница? Делай свое дело.

Ксавьеру исполнилось шесть, когда он впервые провел по струнам гитары – на дне рождения дочери одной из маминых коллег. Несколько взрослых принесли музыкальные инструменты – гитары, мандолины, бонго, губную гармошку – и после торта и вручения подарков расселись на пластиковых стульях посреди кирпичного, неправильной формы патио и стали играть и петь: сначала детские песни Раффи, потом Нила Янга, «Битлз» и Джеймса Тейлора.

Ксавьеру нравилась музыка, но одна гитара особенно его заинтересовала. Ее вид, ее чистый, сочный звук. Он спросил у владельца гитары, преподавателя истории по имени Шон, можно ли попробовать. Шон уступил Ксавьеру место и положил гитару на его колени. Инструмент выглядел огромным в сравнении с тощим тельцем мальчика. Ксавьер вытянул шею, нагнулся, провел рукой по струнам и пропал. Спустя неделю ему дали первый урок. В десять лет он из всех разновидностей музыки предпочитал классическую; она давала ему *почувствовать* красоту, и ему казалось, что это чувство поможет ему пережить эмоциональный натиск окружающего мира. В этом году ему исполнилось восемнадцать, он прошел прослушивание и поступил в консерваторию Сан-Франциско.

Ксавьер сгреб листья в кучу и стал запихивать в биоразлагаемые мешки, которые Вэлери купила в магазине, где все стоило в четыре раза дороже, чем токсичные (в том или ином смысле) альтернативы того же самого. Все чистящие и моющие средства, все виды упаковки и хранения, всю одежду Вэлери покупала там. С учетом всего этого, а также дорогостоящих растений и уроков музыки для Ксавьера, неудивительно, что у Вэлери оставалось не слишком много денег на ремонт дома, но это не особенно ее беспокоило. Порой мы над ней посмеивались, как над еще одним нашим приятелем, который до того помешался на палеодие, что не ел никаких злаковых продуктов, если злаки не были раздроблены с помощью камня. Вэлери воспринимала наши насмешки по-доброму, но мы и смеялись над ней по-доброму, потому что не могли не уважать такую сознательную и стойкую в своих убеждениях женщину.

Новая соседка по-прежнему лежала на шезлонге у сверкающей синевы бассейна и читала. Ксавьеру понравилось это зрелище (особенно девушка, хотя и бассейн был очень неплох). У него пока не получилось как следует разглядеть ее, но в целом она казалась ему симпатичной. Белая кожа. Очень длинные темные волосы. Приятное лицо. Рубашка в клетку завязана на талии узлом, рукава закатаны. Обрезанные джинсовые шорты. Босые ноги, ногти на них покрашены темным лаком – зеленым, что ли? Работая, он то и дело поглядывал на нее со странным, но приятным чувством, что она знает об этом.

– Крем от солнца, Джунипер, – сказал женский голос. Ксавьер поднял глаза и увидел, что из высоких французских дверей вышла на покрытое ковром крыльцо женщина.

Джунипер.

Волосы женщины, светлые и длинные, но не такие длинные, как у Джунипер, были стянуты в высокий хвост, из ушей свисали золотые серьги-кольца, что, по мнению Ксавьера, не особенно сочеталось с обтягивающей футболкой и теннисными шортами; и то и другое было модного покроя и расцветки, и если бы Ксавьер разбирался в спортивной моде, он узнал бы вещи из весенней коллекции Ultracor. Женщина словно сошла с обложки журнала.

Наблюдая за ней, Ксавьер думал – *ухожженная*; так говорили женщины, посещавшие книжный клуб его матери. Прежде чем перейти к обсуждению книги, какой бы она ни была, они вдоволь наслаждались болтовней и сплетнями. Этот термин, «ухожженная», в последнее время стал употребляться все чаще в связи с жительницами новых элитных домов. Они старались, чтобы он звучал сухо, без эмоций, но Ксавьер слышал в нем осуждение. Все эти женщины были профессионалами своего дела: кто-то преподавал в школе или колледже, как его мать, кто-то занимался медициной, социальной работой, управлял небольшим бизнесом. *Ухоженными* они не были.

Ксавьеру порой нравилось проводить с ними время, не ради сплетен (его они не касались), а ради закусок и салатов, которые они приносили. И вино тоже. Много вина. Ему уже исполнилось восемнадцать, он стал достаточно взрослым, чтобы умереть за свою страну, и значит, достаточно взрослым, чтобы пропустить бокал за хумусом и оливками, инжиром, фаршированным козым сыром, салатом из чечевицы и рукколы *эт сетера*², как они любили гово-

² Et cetera – и так далее (лат.).

рить. Ксавьер не был большим любителем вина, но ни за что не отказался бы от горячего сливочного сыра, консервированных помидоров и душистой нарезанной кружочками колбасы. Он собирался купить себе мультиварку, чтобы растапливать в ней сыр, живя в общежитии.

– Джунипер, – повторила ухоженная женщина, на этот раз с раздражением.

Джунипер, тихо произнес Ксавьер, пробуя имя на вкус. Потом подумал – идиот. У тебя нет на это времени.

– Мам, ты серьезно? – удивилась Джунипер.

– Конечно. Лицо нужно мазать обязательно, руки и ноги – тоже. Лучше позаботиться о своей коже сейчас, чем потом тратить деньги на лечение ожогов. Ты же не хочешь стать похожей на бабушку Лотти? Если бы только моя мама была такой умной, как твоя!

– Ладно уж, – Джунипер взяла крем.

– Только не говори бабушке Лотти, что я так сказала.

Вслед за женщиной вышел мужчина средних лет без рубашки, золотисто-загорелый; над коралловыми с цветочным принтом шортами нависал живот, характерный для многих его ровесников. Одну дверь он оставил открытой.

– Вот это жизнь, да? – сказал мужчина. В одной руке он держал бутылку пива, в другой кувшин с чем-то розовым. Поставив кувшин на тиковый стол, он спросил: – Кто хочет поплавать?

– Я! – закричала маленькая девочка, выпрыгнув вслед за ним.

– Ты уверена, что вода теплая? – спросила женщина. – Бассейн наполнили только вчера.

Девочка, на вид лет семи, в ярко-розовом бикини и больших желтых очках от солнца, уперла руки в бока и ответила вопросом на вопрос:

– Мам, ты человек или мышь?

Ксавьер, поняв, что глазеет на них, закончил набивать листьями мешок и собирался пойти искать мать, чтобы она, если захочет, подошла познакомиться, но не успел он сделать и пары шагов, как мужчина окликнул его:

– Эй, сынок, подойди-ка сюда.

Ксавьер обернулся. Мужчина шел к нему.

– Слушай, – сказал он, – когда закончишь с этим, можешь мне кое с чем помочь? Мы только въехали, нужно выгрузить коробки, подвигать кое-какую мебель, а то жена никак не определится, что где должно стоять, ну и... – он хохотнул. – Пятьдесят баксов тебя устроит? Работы на час, не больше – мне кажется, неплохая оплата.

– Это... я просто маме помогаю, – Ксавьер указал на дом. – Ксавьер Алстон-Холт. Для друзей – Зай, – он протянул мужчине руку.

– Ах вот как, – мужчина пожал ему руку. – Брэд Уитман. Местная знаменитость. Может, видел по телевизору – «Системы климат-контроля Уитмана»?

– Вряд ли, – ответил Ксавьер. – У нас нет телевизора.

– Обо мне и в интернете пишут, и по радио говорят.

– Ага, ясно.

Брэд Уитман наклонился и похлопал Ксавьера по плечу.

– Ха, а я подумал, что пожилая леди, которая здесь живет, тебя наняла.

Ксавьер вежливо улыбнулся.

– Маме не очень понравится, что ее называют пожилой леди.

– Еще бы! Ни одна женщина такому не обрадуется.

– Ей всего сорок восемь.

– Вот как? Значит, мой риелтор сообщил мне неправильную информацию, – сказал Брэд Уитман. – Но здесь по соседству много пожилых леди, верно?

Ксавьер кивнул.

– И джентльменов тоже. Все, что вам угодно.

– Ясно, – сказал Брэд. – На этом и сойдемся.

Ксавьер кивнул.

– Так вот, я как раз думал позвать маму. Она хочет с вами познакомиться.

– Да, конечно. Тащи ее сюда, – Брэд указал на дом. – Джулия приготовила розовый лимонад. Девчонки его любят. Тебе предложу пива, если покажешь паспорт и я увижу, что тебе двадцать один.

– Пока нет, но спасибо. Мы скоро придем.

Ксавьер почти дошел до дома, когда Брэд Уитман крикнул ему вслед:

– И папашу тоже тащи, если он дома. Бутылка холодного пива и для него найдется!

Ксавьер поднял руку, давая понять, что услышал.

Привести сюда отца? Ему хотелось бы. Ему всегда так этого хотелось.

Глава 3

Прежде чем перейти к более близкому знакомству главных героев нашей истории, мы хотим рассказать чуть побольше о том, где завязалась эта трагедия. Как сказал бы наш знаковый преподаватель английского, место действия, особенно в рассказах о юге, такое же полноправно действующее лицо, неотделимое от сюжета. И наш рассказ – не исключение.

* * *

Вэлери Алстон-Холт влюбилась в Оак Нолл, впервые выйдя на его тротуар. Уроженка Мичигана, она два года как закончила учебу, двадцать месяцев как работала в институте, год как вышла замуж и семь месяцев как забеременела. Она и ее супруг, Том Алстон-Холт, молодой преподаватель истории, снимали уютную квартиру возле кампуса. Но теперь пришло время покупать дом, а этот район их коллеги любили больше всего. Все говорили, что Том и Вэл тоже должны сделать правильный выбор.

Как многие окраины американских городов, Оак Нолл построили в первые месяцы после окончания Второй мировой войны. Широкие улицы, тротуары, и – потому что это Северная Каролина, богатая деревьями и глиной, – широкие кирпичные ранчо: три спальни, одна ванная комната, маленькие, но удобные дома на просторной, заросшей деревьями территории.

Весна – лучший сезон в Оак Нолле. Белый и розовый кизил пышно цветет среди каштанов, груш, калины и камелий, а еще вишен, хурмы, остролиста и боярышника. А магнолии, эти предвестники весны, которые так рано и радостно высовывают свои розовые головы, за что их наказывают поздние морозы! Район знаменит кизилowymi деревьями, нежными, медленно растущими; им нужно двадцать лет, чтобы достигнуть размера шестилетнего клена. Вэлери повела Тома на прогулку, желая показать, как здесь красиво, как чудесно будет им и будущему ребенку! Кто-то из нас видел их в тот день; Вэлери, такая беременная, такая темнокожая, составляла настолько разительный контраст со своим высоким, светловолосым мужем, что мы не станем притворяться, будто не обратили на них внимания. Конечно же, обратили. Они выглядели настоящей экзотикой, своего рода знаменитостями в районе, который считал себя прогрессивным, но не совершил ничего, чтобы это доказать. Самое большее, что можно было сказать, – следующее: кто-то из жителей района был белым, а кто-то нет, кто-то имел солидный стабильный доход, а кто-то выполнял низкооплачиваемую работу, но мы все относились друг к другу с теплом и уважением. И, если честно, что еще мы могли?

Оак Нолл никогда, во всяком случае до недавнего времени, не считался элитным районом. Люди, зарабатывавшие серьезные деньги, жили по соседству, в Хилл-Сайде. Аристократы, политики, хирурги, основатели индустрий и владельцы торговых сетей жили в огромных особняках из камня и кирпича, сказочных домах с увитыми плющом воротами и длинными подъездными дорожками, портиками, скульптурно выстриженными кустарниками, и, конечно, высокими, как башни, дубами. Вэлери восхищалась этими особняками и их вариациями чуть поменьше, но тоже прекрасными, тоже с изумрудными садами. Да и кто не восхитился бы? Но нет, не было возможности, не в этой жизни (разве что выиграть в лотерею джекпот на несколько миллионов долларов), что она сможет назвать Хилл-Сайд своим домом. И даже будь у нее миллионы, большинство жителей Хилл-Сайда скажет, что у темнокожей женщины, которая замужем за белым мужчиной, прав здесь находиться меньше, чем у темнокожей прислуги, которая хотя бы знает свое место.

Время шло, и город рос, и люди, известные как яппи, покупали большие безвкусные особняки в новых пригородах на больших участках, где дома в шутку называли поместьями, а некоторые семьи держали гольф-кар в гараже на три, а то и четыре машины. Уитманы жили

как раз в таком районе, потому что – давайте смотреть правде в глаза – можно было получить больше земли за те же деньги, а соседи жили достаточно далеко для того, чтобы совать нос в ваши дела. Компания Уитмана только набирала обороты, и, чтобы позволить себе ипотеку за дом, и «БМВ», и новый «Лексус» для Джулии, и учебу девочек в частной школе, Брэд Уитман, втайне мечтавший о Хилл-Сайде, вынужден был довольствоваться этим.

Но потом он изобрел какой-то гаджет (мы не уверены, какой именно), запатентовал и продал серьезному поставщику за два с чем-то миллиона долларов. Следовательно, теперь он мог перевезти Джулию и девочек в дом в Хилл-Сайде. В дом поменьше, увы, с садом в четыре тысячи квадратных футов, а не восемь и даже не шесть. Но Брэда и такой вариант устраивал; налог на имущество меньше, чем с крупного особняка, а адрес такой же престижный.

Так что Уитманы планировали перебраться туда, но их лучшие друзья, Джеймисоны (Джимми занимался фармацевтикой и зарабатывал очень приличные деньги), предложили Оак Нолл с его старыми жилищами и стареющим населением. Жители округа один за другим продавали свои дома и перебирались в дома престарелых. Или умирали, а их детям совершенно не хотелось возвращаться в выдавшие виды старые дома с одной ванной, где они выросли, дома, где теперь пахло нафталином и средствами от геморроя, а потолок и стены были покрыты никотиновыми разводами. Так что дети забирали сувениры на память, а остальное выставляли на продажу.

В отличие от Хилл-Сайда, где дома были такими же старыми, а то и старее, хотя лучше пахли и лучше выглядели, в Оак Нолле не требовалось платить бешеные деньги за дом, а потом еще раз за его полную переделку. Дома здесь оставались настолько дешевыми, что можно было снести старый и построить новый, используя современные материалы и технологии, теплоизоляцию и энергосберегающее стекло, платить меньше налогов, меньше тратить на коммунальные услуги и ремонт, а если потом продать этот дом, то получить больший доход на инвестиции. «Оак Нолл понимает, что к чему», – сказал Брэду Джимми Джеймисон.

Он уже нашел строителей, но Брэд не собирался верить рекламе на слово, поэтому Джимми отвел его в только что построенный ими дом Марка и Лизы Вертхеймеров. Мужчины стояли в кухне с потолком в десять футов, мраморными столешницами, холодильником «Саб-зиро» и плитой «Вульф», и Брэд сказал: «Черт возьми, я точно должен построить такой дом для нас с Джулией».

Расставляя пионы в вазы на подоконниках более чем скромной кухни, Вэлери смотрела из окна, как Ксавьер беседует с новым соседом. На вид мужчина соответствовал всем ее представлениям о жильце огромного дома: белый, под пятьдесят лет, модные фирменные плавки, которые хорошо сочетались с личным бассейном и огромным грилем из нержавеющей стали посреди выложенного плиткой патио. Шлепанцы, бейсболка козырьком назад. Большой ребенок с большими деньгами.

В последнее время таких стало появляться много. С несколькими похожими мужчинами она даже ходила на свидания благодаря подруге из инженерного колледжа, у которой было много знакомых, работавших в промышленной сфере. Как правило, свидания ни к чему не обязывали: встретиться где-нибудь на часик, посмотреть, возникнет ли химия, понять, благоприятными ли намерениями он руководствуется, желая встречаться с темнокожей женщиной. Вэлери Алстон-Холт не была сексуально озабоченной дамочкой, готовой воплощать фантазии о белом господине и его рабыне – да, в самом деле находились мужчины, которых возбуждала эта мысль, и они не сомневались, что она возбудит и Вэлери.

Ксавьеру она ни о чем не рассказывала. Даже когда у нее наметились серьезные отношения, предпочитала держать язык за зубами. Мы имеем в виду мужчину, с которым она познакомилась на конференции в Вирджинии почти три года назад, но которого Ксавьер видел только дважды. Его звали Крис Джонсон – на наш взгляд, унылее имени не придумать. Однако чело-

век он был интересный, преподавал в Школе лидерства и государственной политики Фрэнка Баттена Университета Вирджинии. И к тому же пел баритоном в квартете, получившем какой-то приз. Их роман сводился к регулярному общению в FaceTime и свиданиям по выходным – слава Богу, теперь Ксавьера можно было оставить одного дома.

К себе Вэлери Криса не приглашала, кроме тех двух раз, о которых мы уже сказали, и почти о нем не говорила. Как знают все родители-одиночки, встречаться с кем-то и одновременно воспитывать одного, а то и нескольких детей – то еще приключение. Вэлери не хотелось, чтобы Ксавьер нервничал из-за отношений, которые еще не факт, что сложатся. Если мальчик на чем-то заикливался, то обычно надолго. Характер Ксавьера проявлялся с самых ранних лет: любимое одеяло, блюдо, игрушка, книга, писатель – одним летом он не читал ничего, кроме романов Брайана Джейкса о Рэдволле³, зато уж проглотил все двадцать два. У него было всего два близких друга, и оба – с начальной школы. И, конечно, он был помешан на музыке и гитарах.

Вот вам еще пример его удивительного упорства. Мысль о том, что его могут не взять в колледж мечты, не давала Ксавьеру спокойно спать, хотя он был ничуть не менее талантлив и подготовлен, чем его конкуренты. К радости тех, кто жил поблизости и мог в спокойную погоду услышать в открытое окно его игру, Ксавьер занимался каждый день – час перед школой и два часа вечером, вернувшись домой с подработки в продуктовом магазине. Потом делал уроки. Два дня до прослушивания и день после него юноша почти не мог есть – а это говорит о многом. И хотя, приехав домой из Сан-Франциско, Ксавьер постепенно вернулся к нормальной жизни, он оставался взвинченным и напряженным до середины марта, пока не узнал о результатах прослушивания. Вот какой это был юноша. Вэлери изо всех сил старалась научить сына обращать собственную упертость на пользу себе самому. Хорошие оценки, упорный труд, положительные рекомендации учителей и босса – все это окупилось.

Но все это могло с той же легкостью обратиться и против него, даже теперь; как часто за последние несколько лет Вэлери вечерами ждала сына домой, молясь, чтобы его или его друзей не остановила полиция? Молясь, чтобы он не оказался в ситуации, в которой его поняли бы неправильно, сочли бы опасным, уличили бы в преступных намерениях? Он был высоким. Он был темнокожим. Вэлери много раз говорила сыну: «Если они тебя испугаются, они будут стрелять». Ей было противно вообще говорить об этом, противно признавать, что хорошее отношение к людям других национальностей, которое так старательно воспитывалось в ней, в ее муже и других людях, похожих на них, ничего не стоило. Почему нельзя видеть друг в друге просто людей и держаться вместе, во имя всего святого? Планета гибла, пока люди решали, кто из них больше американец и кто американец вообще.

Вэлери смотрела, как Ксавьер прощается с соседом и идет в дом.

– Они все тут, – сказал он, заходя в кухню.

– Хорошо. Дай только закончу с цветами и помою посуду.

Ксавьер перегнулся через кухонную стойку, вынул из миски яблоко и вытер футболкой. Потом еще одно. Потом сказал:

– Он думал, что ты меня наняла помочь в саду.

– Я должна удивиться?

– Еще он думал, что ты – пожилая леди. Ну, не конкретно ты. Он думал, что тут живет пожилая леди. Что так сказал его риелтор.

– Ну, ошибся, – она вытерла руки полотенцем. – Он сказал, как его зовут?

– Брэд какой-то там. Занимается системами климат-контроля. Заявил, что его крутят по телику, с таким видом, словно я должен его знать.

³ Серия популярных сказочных романов об антропоморфных животных.

– А, точно-точно. Кажется, Эллен говорила, что дом покупает местная знаменитость. Она просто забыла, какая знаменитость и какой дом. Конечно, в такой сфере прилично платят.

Вэлери хотела сменить пропотевшую футболку и выдавшие виды шорты на что-то поприличнее, но не стала. Пусть принимают ее такой, какая она есть. Натянула очки и шляпу, и они с Ксавьером вместе пошли к Уитманам, из лесного рая – к узким полоскам мха и земли, окружавшим патио и бассейн.

– Всем привет, – крикнула она, шагая по каменным плитам. По крайней мере, Уитманы предпочли натуральный камень, а не бетон. Камень, конечно, не очень полезен с точки зрения экологии, и Вэлери подозревала, что строители добились разрешения на проведение работ по увеличению площади участка для бассейна, патио, а возможно, и дома – иначе как бы они покрыли камнем такую большую территорию? Но натуральный камень несколько проницаемее бетона, и выглядит намного естественнее.

Куда серьезнее могли пострадать деревья. Корни таких исполинов, как старый дуб на заднем дворе дома Вэлери, простирались во все стороны и могли уходить на сотни футов от ствола. Вэлери, преподававшая рекреационное лесопользование (в числе прочих предметов), знала это лучше всех нас. Она следила за признаками стресса у дуба с того дня, как Уитманы расчистили свой участок.

Для нее дерево значило очень много. Она не могла смотреть на него, не представляя совсем маленького Ксавьера на ярко-красных парусиновых качелях, свисавших с нижних веток дуба; четырехлетнего Ксавьера, который толкался ногами в первых попытках раскачиваться на «взрослых» качелях, сменивших парусиновые; десятилетнего Зая и его дядю Кайла, строивших дом на дереве, в котором Зай и два его лучших друга, Дашон и Джордан, проводили часы напролет с комиксами и огромными запасами закусок. И дом на дереве, и качели никуда не делись: Ксавьер и его друзья время от времени навещали их, словно боялись окончательно порвать связь с детством не меньше, чем Вэлери боялась, что она порвется.

Первой на приветствие Вэлери ответила Джулия Уитман. Она поднялась с тиковой скамейки на крыльце.

– Привет, рада знакомству. Я Джулия. Давайте налью вам лимонада.

– Привет. Вэлери Алстон-Холт, – она говорила с Джулией, но направлялась к Брэду, протягивая для приветствия руку. Она знала по опыту, что лучше вести себя именно так. – Вы, я так понимаю, Брэд.

– Брэд Уитман, «Системы климат-контроля Уитмана». Рад знакомству. Спасибо, что пришли.

Вэлери пожала руку Джулии, взяла стакан с лимонадом и села рядом с Брэдом.

– Мы оба не могли дождаться, пока этот дом достроят.

– И мы тоже, – сказала Джулия, яркая, как оранжевый принт на ее шортах.

– Восемь месяцев шума и неудобств, – продолжала Вэлери, ни на что не намекая, но, в общем-то, желая намекнуть. – Воздушные компрессоры, и гвоздометы, и пилы, и штукатурки, целыми днями врубающие свою музыку... Если честно, все мои выходные, начиная с сентября, портил этот чертов шум.

– Нам очень жаль, – Джулия вздохнула.

– Ну, теперь-то все, – сказал Брэд. – Хорошо, что хорошо кончается.

– Пока никто не начнет строиться по соседству от вас, – язвительно заметила Вэлери. – Тогда сами поймете. Вы знакомы с моим сыном Ксавьером?

– Брэд знаком, – ответила Джулия. – Лимонаду?

Ксавьер сел на стул рядом с матерью.

– Нет, спасибо.

– В бассейне – Лилия, – сказала Джулия, – а это Джунипер, – она указала на старшую дочь, которая отложила книгу и направлялась к компании на крыльце.

Схватившись за край бассейна, Лилия пискнула:

– Здравсте, миссис Соседка. Простите, я не расслышала ваше имя.

– Миссис Алстон-Холт, – ответила Джулия. – Я ведь правильно поняла?

– *Мисс* Алстон-Холт, – поправила Вэлери. Вообще она была не против того, чтобы дети называли ее просто по имени, но многие родители считали нужным соблюдать официоз. Но, раз на то пошло, хотя бы статус указывать нужно правильно.

– Мне нравятся имена девочек, – добавила она. – Растения – моя слабость⁴. Брэд, значит, вы занимаетесь системами климат-контроля? Может, взглянете на мой компрессор? Он странно шумит.

Она взглянула на Ксавьера, и юноша с трудом сдержал смех. Он знал, что никаких проблем с компрессором у них нет, просто Вэлери решила поддеть Брэда в отместку за то, что он принял Ксавьера за садовника.

– С радостью, – ответил Брэд и поставил пиво на стол. – Сейчас только надену рубашку, обуюсь и...

– Нет, я не имела в виду – прямо сейчас! – Вэлери не ожидала, что сосед сам захочет это сделать. – В любом случае спасибо. Да он и не все время шумит. Сегодня я вроде никакого шума не слышала. Зай, ты слышал?

– Сегодня – нет, – сказал Ксавьер.

– Ну и подождет. Не стоит того, чтобы беспокоить вас в воскресенье.

– День Господень, – сказала Джунипер, сев рядом с Джулией. – Хоть мы больше и не ходим в церковь.

– Иногда ходим, – заметила Джулия.

– Бог повсюду, – заявила Лилия, – даже здесь, в бассейне.

– Именно так, моя радость, – сказал ее отец и сообщил Вэлери: – Каюсь, по субботам утром я люблю играть в гольф. И лучше в урочное время.

– Он любит каждый день играть в гольф, – отметила Джулия. – Но возможность у него есть только в выходные.

– Мы тоже не так часто посещаем церковь, – призналась Вэлери. – Особенно в это время года. Воскресным утром хорошо поработать в саду, – в этих словах тоже звучала небольшая подколка. У Уитманов и сада-то толком не было, а все, что осталось, обрабатывали профессионалы. Никаких садовых работ, только садовые работники.

– Вы, наверно, решите, что я лезу не в свое дело, – сказал Брэд, – но я просто из тех людей, кто хочет знать факты. Есть ли в вашей семье мистер Алстон-Холт?

– Нет, – ответила Вэлери. – Только мы.

– Ясно.

– Я вдова, – пояснила она.

Брэд и Джулия взглянули на нее как всегда смотрели новые знакомые, узнавшие о печальном факте: с удивлением, которое должно было означать «нам очень жаль», а потом с интересом, который из вежливости не стали озвучивать.

– Джунипер в этом году идет в выпускной класс Академии Блейкли, – сказала Джулия. – Ты тоже учишься в школе, Ксавьер?

– Через несколько недель выпускаюсь из спецшколы имени Франклина.

– Значит, ты уже почти студент. Поздравляю! – Джулия улыбнулась. – Это так здорово. Уже определился с колледжем?

– Он поступил в консерваторию Сан-Франциско, – ответила за него Вэлери. – Я очень им горжусь.

– Частичная стипендия, – добавил Ксавьер. – Я играю на гитаре.

⁴ Juniper (англ.) – можжевельник.

– Ого, как Джими Хендрикс! – воскликнул Брэд.

Ксавьер покачал головой.

– Нет, на акустической гитаре. Классику. Этим мало кого впечатлишь.

Джунипер повернулась к нему.

– А правда, что в школу имени Франклина приносят оружие, а стрельбы нет только потому, что охрана его отбирает?

– Что? – удивился Ксавьер. – Где ты это услышала?

Джунипер взглянула на Брэда.

– Разве не ты говорил?

Брэд строго посмотрел на дочь. Заметив этот взгляд, Вэлери подумала, что жизнерадостный облик вечного ребенка может скрывать что-то другое, и если так и окажется, она не удивится. Судя по ее опыту, некоторые мужчины – особенно обеспеченные белые мужчины – так привыкли быть влиятельными и авторитетными, что считали вправе вести себя как угодно.

Джунипер, не считая ботанического имени, показалась Вэлери обычным подростком. Разве что слишком угрюмым, что неудивительно, поскольку родители перетасили ее в другой район всего за несколько недель до конца учебы, когда ей нужно было сдавать кучу школьных проектов. Хорошо хоть, что саму школу менять не пришлось; у частного образования свои плюсы.

– Ты что-то спутала, солнышко, – ласково сказал Брэд Джунипер, и Вэлери подумала: может, она неправильно истолковала реакцию нового соседа. Может, слишком враждебно к нему настроена, потому что по его вине вырубili деревья. Успокойся, сказала она себе, дай человеку шанс.

– Может, я говорил это о какой-то другой школе, – продолжал он. – Или не я, а твои друзья.

– Да, – ответила Джунипер, – наверное.

– Между прочим, – заметила Вэлери, – это одна из лучших государственных школ в штате.

– Еще бы, – согласился Брэд. – Достаточно взглянуть на Зая. Классическая гитарная музыка. Я не знаю, о чем речь, но раз уж он прошел прослушивание, он и впрямь хорош. Джунипер играет на пианино, но я сомневаюсь, что из этого выйдет толк.

– Ей надо больше заниматься, – мягко сказала Джулия. – Зато она хорошо бегают. На соревнованиях бежала за школьную команду.

– Класс, – одобрил Ксавьер. – Будешь делать карьеру в спорте?

– Ну нет, – ответила Джунипер. – Нет, я думаю, что буду заниматься зоологией или ботаникой. Надеюсь поступить в Вашингтонский колледж.

– С каких пор? – удивилась Джулия.

– Давно думала об этом.

– Посмотрим, – сказал Брэд. – Надеюсь, твоя мать не сойдет с ума от того, что ты будешь учиться так далеко.

– И вообще учиться в колледже, – Джулия пожала плечами. – Что тут скажешь? Она – моя малышка, и я не хочу, чтобы она так быстро выросла.

Вэлери хотела посочувствовать Джулии, но тут человек шесть латиноамериканцев в одинаковых желтых футболках прошли мимо дома Уитманов к задней границе участка. Один из них нес лопату, другой тащил буровую установку.

– Вот они, – Брэд поднялся. – Пришли ставить забор. Они должны были это сделать еще до того, как мы достроили дом, но всю прошлую неделю шел дождь. В любом случае свидетельство о заселении у нас уже есть – я знаю человека, который занимается этими вопросами. Довольно часто бывает полезен, – он подмигнул гостям и пошел к рабочим.

– Забор, значит, ставите, – сказала Вэлери Джулии. – Конечно. Я и забыла об этом законе. Кажется, кроме вас, ни у кого в Оак Нолле нет бассейнов.

– Не волнуйтесь, – ответила Джулия, – будет симпатичный деревянный забор, а не рабица.

Вэлери беспокоил не материал забора, а тот факт, что выкапывание ям под столбы может еще больше навредить корням деревьев. И что она может сделать? Ничего. Бассейн уже установлен. Забор необходим.

Брэд вернулся на крыльцо.

– Всего за пару дней поставят, – сказал он. – Заранее прошу прощения за шум. Но так же будет лучше для всех, правда? Больше приватности.

– Конечно, – ответила Вэлери. Ей искренне хотелось, чтобы шум оказался меньшей из ее проблем. И, не считая вреда для деревьев, она всей душой ратовала за то, чтобы установить забор. Она не испытывала ни малейшего желания целыми днями смотреть из окна на этот бассейн и патио, которые сами по себе стоили не меньше, чем они с Томом заплатили за дом. И перспектива все лето видеть у бассейна молодую, красивую Джулию Уитман, может быть, в бикини, демонстрирующую свое тело в идеальной форме, когда она, Вэлери, много лет не может сбросить лишние пять кило, ее тоже не радовала.

– Помните, как писал Фрост: крепчает дружба с крепостью забора.

– Какой Фрост? – спросила Лилия.

– Роберт Фрост, – пояснила Джунипер. – Был такой поэт.

Вэлери одобительно кивнула. Да, молодежь спасет этот мир.

И когда Уитманы и Алстон-Холты еще немного посидели в тени крытого крыльца, пообщались на разные несущественные темы и разошлись спустя двадцать минут после ухода рабочих, Брэд и Вэлери решили, что все они уже достаточно хорошо знакомы. Нам казалось, что их добрососедские отношения сложатся именно так, как мы и надеялись. Никто из нас не волновался ни за деревья, ни за детей.

Глава 4

Два дня спустя Ксавьер стоял у плиты и готовил сэндвичи с ветчиной и сыром себе на ужин.

– Как дела в школе? – мать подошла к сыну, обняла за талию. Теперь он стал сантиметров на двадцать пять выше нее, и это казалось ему странным. Он всю свою жизнь мечтал скорее стать больше, выше, старше – и вот теперь смотрел на большинство взрослых не снизу вверх, а сверху вниз. Он мог видеть макушку своей матери. Метр девяносто, на три сантиметра выше отца. Вот бы ему платили доллар, а лучше десять, каждый раз, как его спрашивали, играет ли он в баскетбол.

– К экзаменам готовимся. Тоска смертная, – он включил газ, поставил на огонь сковородку.

– Выходите на финишную прямую, – она покрепче обняла сына и выпустила. – Я вот что думаю и хочу тебя спросить: как тебе наш знаменитый новый сосед, Брэд Уитман?

– Почему ты спрашиваешь?

– Мне он кажется каким-то... мутным. Как будто он совсем не такой хороший, каким кажется.

– Да нормальный, – ответил Ксавьер. Он смазал маслом два сэндвича, положил на сковородку. – Тебе сделать? Поедим, да пойду на работу.

– Да, спасибо, – она взяла помидор, нож и разделочную доску, села за кухонный стол. – Может, я слишком впечатлительная. Мне не нравится плохо думать о людях, которых я даже не знаю. Предубеждения – это так гадко. Мне неприятно их испытывать.

– Уж прости, что напоминаю, но ты всего лишь человек, – сказал Ксавьер, готовя третий сэндвич. – К тому же ты меняешь свое мнение, когда познакомишься с человеком получше, верно?

– Я ощутила к ним неприязнь, когда они начали вырубать деревья, и это меня беспокоит. Я стараюсь всем давать шанс. Иначе чем я лучше тех, кто, ничего обо мне не зная, осуждает меня?

Ксавьер положил три сэндвича на сковородку. Они зашипели, выпуская в атмосферу липидные молекулы расплавленного масла. Запах – химия. Дыхание – химия. Переваривание пищи – химия. Рост растений, выработка растениями кислорода – все это тоже химия. Мать очень много рассказывала ему о растениях, вероятно, надеясь, что он разделит ее страсть к экологии, и Ксавьер увлекся на пару месяцев, но потом интерес сник.

Так бывало часто. Ксавьер давно понял, что интересуется массой вещей, но любит немного. Каждый раз, когда его охватывала новая страсть, мать поддерживала его, но позволяла самому решать, насколько серьезно относиться к этому увлечению. Она говорила, что это и есть результат борьбы за равноправие. Чтобы он, сын белого мужчины и темнокожей женщины с высшим образованием, выросший в семье среднего класса, мог заниматься чем угодно. *Чем угодно*, подчеркивала она. Чтобы он мог быть просто ребенком, а не *темнокожим* ребенком. «Мы должны это помнить, Зай, говорила она, а не принимать как должное».

В то же время он понимал, что ее утверждение не вполне справедливо. Понимал, что она сама в это не особо верит. В последнее время появилось гораздо больше людей, утверждавших, что отношение к людям не должно зависеть от цвета их кожи. Но были и другие, как правило, белые и пожилые люди, которые старались держаться от него подальше или смотрели на него искоса, например, в магазине – словно он вот-вот что-то украдет или достанет пистолет. Однажды он спросил мать, почему наполовину белый все равно не белый, если наполовину черный все равно черный? Ее ответ, то есть объяснение правила об одной капле крови,

прояснил ситуацию, но не устроил Ксавьера. По факту он был белым настолько же, насколько и черным.

– Ты судишь по тому, что сделали Уитманы, а не по тому, кто они сами, – сказал он. – Каждая жалоба должна оцениваться по существу, и точка.

Она сама так его учила. Мысли логично. Будь честным. Исповедуй доброту и принципиальность, как Мартин Лютер Кинг и его жена, как Джон Льюис⁵.

– Да, но должна тебе сказать, Зай, подобная антипатия для меня – что-то новое. Я часто осуждала людей или события – трудно этого не делать, верно? Но не помню, чтобы я настолько что-то или кого-то презирала, – она покачала головой. – Думаю, все дело в ситуации – не могу не принимать ее близко к сердцу.

Ксавьер пристально посмотрел на Вэлери и сказал:

– Не ругай мою мамочку. Она хорошая.

Вэлери улыбнулась.

– Спасибо, солнышко. Ну а ты что думаешь?

– О чем?

– Об Уитманах.

– Ну, не считая того, что они вырубili деревья и все такое – нормальные люди. Вполне приличные соседи. Да вообще я особо о них не думал.

– Да, конечно. У тебя хватает куда более важных мыслей.

– Ага, – ответил он. Он думал – и думал слишком много – только об одной Уитман.

Джунипер.

⁵ Выдающиеся общественные деятели XX века, борцы за права темнокожих.

Глава 5

В Оак-Нолле немало других домов, больших и новых, но мы особенно заинтересовались Уитманами. Их дом был самым новым, самым дорогим и выделялся деталями, типичными скорее для особняков из фильмов, из рекламы или с Хилл-Сайда. Например, медные водостоки, ландшафтное освещение, туннельный камин между гостиной и застекленной верандой. Буфетная. Циркулярный душ. А Брэд Уитман был, как он представился Ксавьеру, местной знаменитостью. Он сам снимался в рекламе своих систем климат-контроля, так что многие из нас видели его по телевизору. Слышали по радио. Более очаровательного мужчины в этом штате не было. Такой милый. Такой обходительный. В каждой рекламе он смотрел прямо в камеру и говорил: «Вы мои любимые покупатели, и это факт».

Мы часто обращались в его компанию, чтобы устанавливать, чинить или заменять вышедшие из строя нагревательные-отопительные системы. Мы были польщены – ну, многие из нас – что он выбрал своим новым домом именно наш район. Мы хотели поближе узнать его и его красивую семью, увидеть, как они живут. Нас привлекала его жена Джулия. Она выглядела такой очаровательной, такой молодой, такой счастливой.

– Какие планы на сегодня? – спросила Джулия мужа, когда он, выбравшись из постели, направился в душ.

– Как обычно, – он включил воду, стянул шелковые шорты, в которых спал. – А у тебя?

– Тоже. Ну, вечер необычный.

Вечером ее ожидала смена привычной обстановки: ее пригласили в книжный клуб Оак-Нолла. Сегодня она была просто гостьей, поскольку не читала книгу месяца, исторический роман. Она предпочитала современную прозу: триллеры, женские романы, уютные британские детективы. Но соседка, Келли Ханс, сказала ей, что, если она понравится компании и обсуждение пройдет хорошо, ей самой разрешат выбрать книгу на следующий месяц, «пляжное чтение». В июне они всегда обсуждали книги для чтения на пляже и одевались в соответствующем стиле. Бывало очень весело.

– Пойду к Вэлери, новой соседке – у нее собирается книжный клуб. Ты же будешь дома, да?

– Ага, – он вошел в душ. – Будем играть с Лилией в «Змейки-лестенки».

Джулия смотрела на мужа. Он был еще красивым мужчиной, все это признавали. Золотисто-рыжие волосы, озорная улыбка, ослепительно голубые глаза. Но он набрал по меньшей мере семь килограммов с тех пор, как она впервые увидела его обнаженным. Его тело было нездорово бледным в местах, которых не касалось солнце. Волосы на макушке редели, хотя он зачесывал их так, что этого было не видно. Возраст подбирался к нему, хотя он и слышать не хотел о возрасте, и его новая машина была тому ярчайшим доказательством. Неужели мужчины никогда не взрослеют?

Она направилась к шкафу.

– Будешь омлет?

– Лучше яичницу. И пару сосисок туда брось. Спасибо.

Утра в семье Уитманов подчинялись единому распорядку. Джулия и Брэд вставали в шесть; он принимал душ, она одевалась в соответствии с видом спорта, которым собиралась заняться – теннисом, пилатесом, упражнениями у балетного станка или аэробикой; в шесть двадцать Брэда ждал на столе горячий завтрак, а Джулия будила девочек. Они вставали, и она завтракала с ними чем-нибудь легким, йогуртом или крутым яйцом, стараясь и Джунипер убедить завтракать легко; потом прибиралась в кухне, пока девочки одевались – школьная форма облегчала это занятие. Брэд уходил на работу в шесть тридцать пять, к семи Джулия и девочки уже сидели в машине. Переезд не изменил распорядка; теперь они добирались до

школы столько же, сколько и раньше, только ехали в другом направлении. Но, может, стоило сегодня выехать чуть пораньше, на случай плотного движения.

Ничем не примечательный график? Да, но поэтому он так ей и нравился.

На часах уже было семь ноль пять, наступил первый понедельник Уитманов в новом доме, а Джулия все еще ждала Джунипер.

– Давай быстрее, мы опаздываем, – крикнула она, стоя в прихожей под лестницей рядом с Лилией. Пахло морилкой, свежей краской и мастикой, но Джулии это нравилось, нравился каждый идеальный, безукоризненный дюйм их дома. Полы из переработанного дуба. Шестидюймовые плитусы. Мраморные столешницы, мраморная панель. Кладовка размером с бывшую спальню Джунипер. Полы с подогревом в ванной. Такая огромная ванна, что в ней почти можно было плавать. Их прошлый дом был большим и куда красивее, чем любое другое место, где она жила раньше, но никаких сравнений с прочностью и роскошью новой обстановки не выдерживал. Если мне это снится, не смейте меня щипать, подумала Джулия уже не в первый раз.

– Почему твоя сестра так долго возится? – спросила она Лилию.

– Подростки медленные, как старые черепахи. Ну, Джунипер хоть бегает быстро. Может, она поэтому сейчас такая медленная. Все силы на бег уходят.

Джулия улыбнулась младшей дочери, потом вновь крикнула:

– Джунипер!

– Иду!

Стук шагов убедил Джулию, что дочь действительно идет – но очень медленно. Джунипер еле-еле добрела до лестницы и сползла по лестнице вниз. Джулия понимала – это усталость, но в последние месяцы на нее наложилось что-то еще. Грусть? Раздражение? Что бы то ни было, Джулию задевало, что оно даже сейчас не отпускает Джунипер. Ведь их жизнь так прекрасна!

Но как бы она ни хотела добиться ответа от Джунипер (которая, как-никак, все же спускалась), сейчас неподходящее время. А может, и вообще не стоило беспокоить дочь. Может, нужно оставить ее в покое, чтобы все само собой рассосалось. Джулия хорошо помнила, каково быть подростком. Ее бесило, что мать постоянно цеплялась к ней из-за всякой ерунды. Ее мать и сейчас постоянно цеплялась к ней по тем же причинам.

– Почему так долго? – спросила Джулия, стараясь говорить как можно спокойнее, когда они уже сидели в машине.

– Не могла найти туфли, – ответила Джунипер.

– Все твои туфли лежат в одной коробке.

– А этих там не было.

– Я просила рабочих сложить туда всю обувь.

– Ну, значит, они сложили не всю.

– И где же нашлись твои туфли?

– В другой коробке.

– Ладно, – сказала Джулия, желая закончить разговор. – Сегодня все расставляю, и у тебя не будет больше проблем с поиском вещей.

Это пошло бы на пользу не только Джунипер, но и ей самой. Нужно было чем-то занять день и навести порядок в доме, чем быстрее, тем лучше. Бардак беспокоил Джулию гораздо сильнее, чем раньше. Как будто, если вещи стояли не на своих местах, она отползала назад.

До Брэда беспорядок был неизменной составляющей ее чудовищной жизни, а порядок – недостижимой роскошью. И если она не могла его себе позволить, она просто не думала на эту тему – так и жила от зарплаты до зарплаты изо дня в день, стараясь не сойти с ума. Может быть, ей хотелось просторную, чистую квартиру в хорошем районе, квартиру, где двери спокойно закрываются, где в шкафу достаточно места, где унитаз нормально смывает и не протекает, где не трещат эти огромные отвратительные пещерные кузнечики. Если на то пошло, ей хотелось

свободных выходных, чтобы постирать и развесить белье, и купить продуктов, и пропылесосить, и упаковать и выбросить мусор, и отвести дочь на детскую площадку или в кино. Да, ей много чего хотелось, чего она не могла себе позволить, поскольку работала на двух работах, чтобы только купить еду, и заплатить за аренду, детский сад и няню, но что толку было мечтать обо всем этом? Она только почувствовала бы себя еще никчемнее, чем сейчас – а она терпеть не могла это чувство.

Мы должны здесь отметить, раз уж речь зашла о прошлом Джулии, что она совсем не была никчемной, а просто невезучей. Об этом ей и самой стоило напоминать себе почаще. Одни люди рождаются в состоятельных семьях и получают все, что хотят, другие – в нищих, и всю жизнь должны вкалывать, чтобы получить хотя бы тысячную часть того, что имеют богатые. Одни женщины занимаются незащищенным сексом и не беременеют, другие залетают, даже не узнав фамилии отца ребенка. Одни беременные решают сделать аборт, чтобы не портить себе жизнь еще больше, другие считают, что ребенок станет их отдушиной в мире боли, тем самым человеком, который будет любить их несмотря ни на что.

Любит ли ее Джунипер? Джулия взглянула на старшую дочь, сидящую рядом. Наверное, этот вопрос глупый, но иногда она не могла найти ответа. Она была так счастлива, что у нее по крайней мере есть Лилия, «Лилия-идиллия», которая стала в их семье не просто солнечным лучиком, а самым настоящим солнцем. Этот ребенок родился с улыбкой на лице.

Джулия чувствовала себя виноватой в том, что детство ее дочерей прошло настолько по-разному. Но, как напомнил ей преподобный Мэтьюс в церкви Новой Надежды, когда она, недавно выйдя замуж и забеременев второй раз, поделилась с ним своими тревогами, она делала для Джунипер все лучшее, что могла. *Лучшее и что могла*, подчеркнул он.

– Что сказала кошка? – вдруг спросила Лилия.

– Мяу? – предположила Джулия.

– Нет, пусть Джунипер ответит. Что сказала кошка, когда попала в пустыню?

– Не знаю, – буркнула Джунипер, не отрываясь от учебника алгебры.

– «Ничего себе лоток!» – воскликнула Лилия. – Дошло?

Джулия улыбнулась дочери в зеркало заднего вида.

– А что сказал петух, когда увидел курицу-гриль?

– Я пытаюсь подготовиться, – сказала Джунипер. – У меня сегодня контрольная.

– Вчера ты не готовилась, – заметила Джулия.

– Ну мам! – закричала Лилия. – Не мешай. Что сказал петух, когда увидел курицу-гриль?

– Понятия не имею. Расстроился, наверное.

– «Яйца нести некому, а она на каруселях катается!»

– Ты смешная, – Джунипер улыбнулась.

– Теперь ты расскажи.

– Я таких загадок не знаю.

– Зато я знаю целую сотню, – похвасталась Лилия.

– А тригонометрию ты знаешь?

– А может, я пойму, если ты мне объяснишь.

– Попроси меня лет через десять, – предложила Джунипер.

– Ну нет, ты уже будешь далеко. В каком-нибудь дождливом лесу там...

– Я тебе по фейстайму объясню, – пообещала Джунипер.

– Поклянись! – потребовала Лилия. – Скрестим пальцы!

Джунипер откинулась назад, и девочки скрестили пальцы.

– Клянусь, – сказала Джунипер.

Видя, как мило болтают девчонки, Джулия немного успокоилась. В последнее время у Джунипер часто менялось настроение, она стала отстраненной, даже с Лилией. Она не хотела переезжать, ее не интересовал новый дом в куда более престижном районе ближе к центру

города, из которого Джулии было бы намного удобнее возить их с Лилией по разным внеклассным занятиям; бедная женщина большую часть дня проводила за рулем.

– Она такая капризная, – пожаловалась Джулия Брэду однажды вечером, после того как они показали девочкам дом, еще далекий от идеальной картинки, которую он должен был воплотить. Джунипер все внимательно осмотрела, но не сказала ни слова.

– Помягче с ней, – посоветовал Брэд. – У нее переходный возраст. Это все гормоны.

– Я просто не хочу, чтобы она так неблагодарно себя вела в ответ на все, что ты для нас сделал – все, что делаешь для нас, для нее. Ей нельзя забывать, каким все было до тебя.

* * *

Мы скажем просто: история Джулии была совсем не такой, как мы представляли. Отсюда вывод, что даже люди опытные и дружелюбно настроенные могут многое понимать не так. В прошлой жизни ее только что уволили с работы, которая должна была облегчить ей жизнь, с должности продавца-консультанта торговой сети по продаже матрасов, после того как она отказалась – четырежды – переспать со своим боссом, низкорослым, тощим, покрытым какими-то пятнами человеком, с ногтями почти такой же длины, как у нее – не то чтобы очень длинными, но все же эта черта отталкивала Джулию. Но это было не единственным, что ее отталкивало. К тому же она не собиралась смешивать работу и личную жизнь, уже усвоив на собственном опыте, как сильно такой подход усложняет дело. Ничего этого боссу она объяснять не стала. На его непристойные предложения она отвечала: «Мне кажется, лучше не надо», и «Я польщена, но это плохая идея», и еще дважды в таком же духе. Потом опоздала на работу в очень тяжелое утро после того, как девятилетняя Джунипер всю ночь промучилась с ангиной, и няня согласилась присмотреть за ней, но за сумму в два раза большую, и Джулия, измотанная, уставшая от всей этой суеты, ничего не успевала – и вот ей вручили конверт с карточкой учета рабочего времени и письмом, сухим корпоративным языком сообщавшим, что она уволена.

Проплакав в машине минут десять, Джулия высморкалась, поправила макияж и поехала в службу занятости, где ей в прошлый раз помогли найти работу. Она собиралась подать жалобу, но, приехав на место и заняв очередь, ждала, ждала, ждала и в конце концов решила, что лучше будет уйти и потратить это время на поиски чего-нибудь нового. У нее не было сил бороться с засранцем из магазина матрасов – и ради чего? Чтобы он взял ее обратно на ту же должность? Вот спасибо.

Сотрудник компании сделал пометку, что Джулию уволили за опоздания, а потом посоветовал обратиться в корпорацию «Системы климат-контроля Уитмана», в которой вчера освободилась вакансия. Джулия послушно поехала через весь город в технопарк, где располагалось низкое, квадратное здание компании. Она увидела яркие сервисные автомобили с еще смутно знакомым желто-голубым логотипом, припаркованные бок о бок с ярко-красным «БМВ». Если это машина босса, подумала она, лучше развернуться и ехать к Джунипер. Меньше всего ей нужно было, чтобы к ней начал клеиться еще один самонадеянный начальник.

Но не проверив – не узнаешь.

Машина в самом деле принадлежала боссу. Но босс оказался совсем не таким, как она представляла. Это оказался самый чудесный человек, какого ей только доводилось встречать.

Брэд Уитман нашел время, чтобы лично встретиться с ней и поблагодарить за интерес, проявленный к вакансии. После интервью принял ее на работу, не спрашивая, почему ее уволили и почему она опаздывала. Когда она уже начала работать, каждое утро здоровался с ней, интересовался настроением. Хвалил за трудолюбие. Общался с ней в перерывах, расспрашивал о ее делах, рассказывал о своих. Иногда заказывал обед для нее и других сотрудников. Часто спрашивал о Джунипер. Когда несколько месяцев спустя Джулия взяла с собой дочку на корпоративный пикник, играл с ней и другими детьми в салки, купил им по сэндвичу с

мороженым, катал Джунипер на спине и очень тактично спросил Джулию, можно ли в следующие выходные пригласить ее на ужин. Очарованная его деликатностью и всем остальным, она решила изменить своему правилу и согласилась.

Через неделю, во время ужина в самом модном ресторане в деловой части города, он сказал: «Если честно, я не хочу быть твоим боссом. Я хочу быть твоим мужем», – и вручил ей кольцо с крупным бриллиантом огранки «принцесса», стоившее по меньшей мере шесть, а то и восемь тысяч долларов. Это было безумно романтично. Вечером мать Джулии по телефону советовала ей не торопиться, дать ему помучиться в ожидании ответа, посмотреть, в самом ли деле он так прекрасен, каким кажется. Но Джулия уже надела кольцо.

* * *

Припарковав машину у Академии Блейкли, Джулия сказала:

– Хорошего дня, девочки. Джунипер, удачи на контрольной. Может, после школы зайдём съедем по замороженному йогурту, прежде чем вы отправитесь бегать и танцевать?

Лилия расстегнула ремень, дотянулась до сидения Джулии и крепко обняла ее.

– Отличный план, мамочка! – воскликнула она. – Я хочу с шоколадной крошкой и вишней.

– Не вопрос, – сказала Джулия и посмотрела на старшую дочь. – Хорошая идея?

– Ты же знаешь, я не ем перед тем, как бегать, – сказала Джунипер и вышла из машины.

– Твоя сестра – ворчунья, – сказала Джулия Лилии.

– Папа тоже хотел ее развеселить и тоже так сказал. Не хочу быть подростком, – заявила Лилия, надевая рюкзак. – Слишком много страданий. Пропущу-ка я переходный возраст!

– Вот умница!

Джулия подождала, пока Лилия выберется из машины, и поехала домой, думая о Джунипер, о том, каким напряженным был ее тон с матерью и каким теплым – с сестрой. Здесь что-то явно не так. Нельзя пускать проблему на самотек, нужно разбираться. Она решила подождать неделю-другую, посмотреть, наладится ли ситуация, и если нет, то можно – хотя они и перестали ходить в церковь – встретиться с преподобным Мэтьюсом для семейной консультации, чтобы Джунипер не подумала, что причина встречи в ней.

Но едва Джулии пришла в голову эта мысль, она сразу же засомневалась. Бреду не нравилось, когда она вмешивала в их дела посторонних людей. Он верил в силу внутренней дисциплины, в возможность решать свои проблемы самостоятельно. Он считал, что все личное нужно держать при себе. Он ведь был публичной фигурой и, в отличие от Джулии, полностью доверявшей преподобному Мэтьюсу, считал его слишком влюбленным в собственные теории и в их распространение. «Идеальный духовник, да, – сказал он однажды, – но не все ему рассказывай о себе, обо мне или о девочках».

Может, Джунипер справится и сама, и Джулия могла бы избежать непростого разговора с Брэдом. Он был таким добрым к ней, но порой слишком упёртым. Он мог наотрез отказаться признавать, что у Джунипер какие-то проблемы, что не все в идеальном порядке, что некоторые моменты выходят из-под его контроля.

К тому же Джунипер всегда была такой стойкой, такой неунывающей, думала Джулия, паркуя машину у теннисного центра. Может, она как мать слишком много беспокоится? Они переживали времена и похуже. *Похуже?* Ради всего святого, о чем она вообще думает? Их переезд – чудесный дар судьбы, а не проблема! Нужно расслабиться. Джунипер – нормальный подросток, а она – нормальная, но порой чересчур заботливая мать. Все будет в порядке.

Глава 6

Джунипер дождалась, пока Лилия дойдет до ворот, и они вместе вошли в здание школы.

– Что сказала мартышка на прощание старшей сестре? – спросила Джунипер, идя по коридору.

– Такую загадку я не слышала!

– «Такую загадку я не слышала!» – ответила Джунипер, и Лилли закатилась жизнерадостным смехом, сотрясающим все ее тельце. Джунипер завидовала ей. В жизни Лилии все было так понятно, так ясно и просто.

– Ты меня подловила! – Лилия улыбалась во весь рот. – Поверить не могу!

– Я долго думала. До встречи, Дюймовочка! – Джунипер смотрела вслед Лилии, пока та не скрылась за дверью класса. Две старшеклассницы, стоявшие в коридоре, увидели Джунипер и пошли ей навстречу.

– Бог ты мой, это же наша Орлеанская дева! – воскликнула девушка по имени Меган, донимавшая Джунипер все то время, пока она училась в Блейкли, но по-настоящему мучившая ее с тех пор, как три года назад стало известно, что Джунипер дала обет чистоты. – Как дела, непорочная?

– Только посмотрите на нее, – сказала вторая, Кати, всегда поддакивавшая Меган. – Она словно хочет сказать «пошли в задницу»!

– Но не скажет, потому что она така-а-а-я непорочная!

– Если бы я могла быть такой непорочной, – заявила Кати. – Хотя нет, погодите-ка... не могла бы.

– Это так глупо, – сказала Меган. – Почему ты не в Христианской академии с другими чокнутыми?

– А правда, почему? – спросила Кати.

Во имя баланса, вот почему. Когда Джулия вышла замуж за Брэда и ее жизнь круто поменялась, она решила перевести Джунипер в частную школу, чтобы оградить от влияния плохих подростков, причинившего столько вреда ей самой. При церкви Новой Надежды была школа, но Джулия решила, что светское воспитание по будним дням и духовное по воскресеньям – идеальная формула, при которой внутренний мир Джунипер будет так же сбалансирован, как рацион, который Джулия теперь могла позволить себе и детям.

Академия Блейкли считалась лучшей частной школой, по крайней мере, в этой части Северной Каролины. Лучшие дети из лучших семей. Лучшие учителя и лучшие технологии. Лучшие горячие обеды, приготовленные настоящими кулинарными божествами. Так рекламировала себя школа, и родители ее ценили. Элитное образование, подобно элитным отелям. Речь шла даже о предстоящем сборе средств на спа-салон.

Насколько могла судить Джунипер, Джулии все это нравилось. И Блейкли, и церковь Новой Надежды убеждали ее, что ее дочери растут настоящими земными ангелами. Она заботилась о том, чтобы у них были «правильные» увлечения и «правильные» друзья. Джулия не была матерью-наседкой, нет, все было еще хуже. Она была целой атмосферой, окутывающей дочерей, контролирующей их жизнь.

Джунипер не всегда относилась к матери критически. В первые годы после переезда к Брэду девочка радовалась тому, что в ее жизни теперь такой порядок. Что уж там, она была просто в восторге. Но понемногу она начала ощущать, как душит и давит эта атмосфера, в чем винила мать; с Брэдом все было иначе. Джулию интересовало только то, что видят другие: идеальный дом, идеальный ребенок как доказательство того, что все ошибки и неудачи прошлой жизни теперь исправлены и забыты, и никак не сказались на настоящем. Джунипер ненавидела

этот подход, ненавидела этих девушек, жизнь которых в самом деле выглядела идеальной. Она не могла дождаться, когда покончит с прошлым и начнет строить собственную жизнь.

Девушкам она ничего не ответила.

– Видимо, она слишком чокнутая даже для Христианской Академии, – предположила Меган.

– Может быть, – поддакнула Кати. – Может, ты и права.

– Конечно, я права. Она даже не пытается быть нормальной. Даже нормальной христианкой.

– У вас все? – спросила Джунипер.

– У нас все? – спросила Кати. Меган наклонила голову.

– Думаю, да. Мне пора идти учиться быть такой же непорочной.

– И мне, – сказала Кати.

– Наверно, это занимает столько времени и сил! Вот почему Орлеанская дева не ходит на вечеринки. Ну, или ее просто не приглашают. Хорошего дня, святоша!

Девушки обошли Джунипер и направились в класс. Джунипер вполголоса пробормотала: «пошли в задницу» и побрела вслед за ними. *Орлеанская дева*. Меган считает, что она такая крутая. Ну и пусть считает. Пусть думает, что лучше напиваться в хлам каждые выходные. Пусть думает, что лучше раздвигать ноги по просьбе любого мальчишки, чем стоять на своем. Таких, как Меган, в конце концов ожидает аборт или нежеланный ребенок; кто знал об этом лучше Джунипер, которая сама была таким ребенком?

В невинности девушки, в чистоте – ее сила. Так всегда говорил Брэд, так всегда учила церковь, и в эту самую минуту Джунипер чувствовала, что так и есть, потому что издевательства Меган и Кати никак ее не задевали.

К тому же Джунипер уважали многие взрослые, мнение которых казалось ей важным. А Меган и Кати не знали даже, уважают ли их собственные бойфренды или просто пользуются ими за неимением лучшего.

Так она всегда говорила себе, чтобы не слишком расстраиваться. Не то чтобы она сама в это верила. Быть непорочной христианкой – вовсе не значит быть наивной.

Вовсе не значит, что у нее нет желаний и искушений, что ее не тревожат переживания, беспокоящие любую девушку ее возраста. «Чистота» не решала всех ее проблем.

А если бы решала, – думала она по дороге в кабинет английского, где они разбирали британскую классику. С британским акцентом все звучало лучше.

Лучшая подруга Джунипер, Пеппер, жестом подозвала ее к себе.

– Расскажу тебе *огромную* новость, – сказала она, и Джунипер улыбнулась:

– Ну давай.

Глава 7

Книжный клуб Оак Нолла собирался в доме Вэлери Алстон-Холт в третий четверг каждого месяца. На заре своего существования собрания устраивались в домах всех членов клуба поочередно, но составить распорядок было трудно, а Вэлери, с тех пор как овдовела, ощущала острую необходимость заполнить опустевший дом, так что она предложила всегда встречаться у нее, и все согласились. Это же прекрасно – оставить домашние дела и посвятить вечер подругам, и ничей муж не начнет жаловаться на гоготание (супруг Белинды), или ржание (вторая половинка Лизы), или количество бутылок, опустевших к концу вечера. К тому же женщинам нравилось слушать игру Ксавьера на гитаре, если он был дома и занимался у себя в комнате.

В тот майский вечер пришло большинство членов клуба. Остальные очень расстроились, что не смогут прийти; это была первая встреча Вэлери и Джулии на публике, и мы все желали знать, как Вэлери будет себя вести. Мы не ждали неприятностей – Вэлери не из тех, кто любит их создавать. Она была, как заметил Ксавьер, хорошей соседкой, готовой помочь заболевшей подруге или молодым родителям, организовать день рождения или поминки. Но при этом все понимали, что вырубка деревьев вызвала у нее почти физическую боль, и это оскорбление, сама того не желая, нанесла ей Джулия Уитман.

– Привет! Я не опоздала? Я шла через сад, – сказала Джулия, постучав по дверной раме. Вэлери пригласила ее войти. Две женщины у кухонного стола наполняли тарелки закусками. – Надеюсь, это не страшно?

– Для того и нужны ворота, – объяснила Вэлери, взяв у нее корзину с угощением.

Внутри корзины была баночка фуа-гра и ассорти изысканных крекеров, а также бутылка «Пино нуар», которое ей порекомендовал продавец винного бутика. Джулия не хотела отделаться чем-то дешевым, но сейчас почувствовала, что перестаралась. Дом Вэлери выглядел не то чтобы плохим; да, очень маленьким, но очаровательным и намного лучше трейлера, где росла Джулия. Что уж там, намного лучше всех мест, где она жила, пока не встретила Брэда. И все же ей показалось, что для такого дома ее корзина слишком пафосна. Фуа-гра, Господи Иисусе. Ей слишком сильно хотелось понравиться этим женщинам – а вдруг они теперь сочтут ее возмнившей о себе неизвестно что?

Пока Вэлери распаковывала корзину и ставила угощение на стол, к другим блюдам, Джулия сказала:

– Если честно, я не очень понимаю, зачем нужны ворота, но ребята, ставившие нам забор, сказали, что нам так будет удобнее заходить в дом с черного хода, на случай, если...

– На случай, если мои жимолость и пикаранта слишком разрастутся, – пошутила Вэлери.

– Я люблю жимолость, – сказала Джулия.

– Главное – не выпускать растения из-под контроля, – заметила еще одна женщина, после чего представилась: – Ты, я так понимаю, Джулия? Я Лиза Орлеан из Мимоза-корт. Келли говорит, вы только что переехали?

– Вон туда, – сказала Вэлери и указала в сторону дома Джулии ножом, которым резала сыр.

– Впечатляющий дом, – Лиза кивнула. – Я приходила на стройку. Да думаю, все приходили.

– Спасибо, – сказала Джулия. – Мне очень приятно.

– Я не приходила на стройку, – сказала Вэлери.

– Понятно, – Лиза переключилась на Джулию. – Чем занимаешься?

– В смысле?

– Ну, где работаешь?

– А, ну я... – Джулии уже давно никто не задавал таких вопросов. Ее соседки и женщины, знакомые по теннисному центру и тренажерному залу, все были домохозяйками. – Раньше я работала продавцом-консультантом, – нагло преувеличила она, – а теперь волонтер в школе дочерей.

– Здорово, – ответила Лиза, миниатюрная темнокожая женщина лет тридцати.

– А ты? – в свою очередь спросила Джулия.

– Я основатель и глава некоммерческой организации, поставляющей медикаменты и изделия медицинского назначения, как правило, в общины Центральной Америки, но мы стараемся помогать и другим странам, где случаются трагедии – ураганы, землетрясения и тому подобное. Мы сотрудничаем с Красным Крестом, «Врачами без границ» и так далее.

– Ого, – только и сказала Джулия. Некоммерческая благотворительная организация, которую *основала* Лиза. Это изумило и в то же время совершенно подавило Джулию.

– Если захочешь стать волонтером, дай мне знать, – предложила Лиза. – Мы с радостью примем твою помощь.

Джулия ожидала услышать в ее голосе нотки осуждения, но не услышала.

– Хорошо, – ответила она, – спасибо.

Ксавьер вошел в кухню, взял тарелку.

– Ой, здрасте, миссис Уитман.

– Привет, Ксавьер, – сказала Джулия. – Ты тоже в книжном клубе?

– Нет, – ответил он, накладывая на тарелку все, кроме фуа-гра. – Просто ворую еду.

– Он после школы ел, – пожаловалась Вэлери, – и сейчас ест, и когда доделает уроки, опять придет есть.

– В этом году нам не задают уроков, – сказал он. – Мы к экзаменам готовимся. Но это тоже требует много сил. Рад был вас видеть, – сказал он Джулии и скрылся.

– Он такой... не знаю, как сказать, – задумчиво произнесла Джулия. – Взрослый?

– Самодостаточный, – предположила Лиза.

– Да, точно. Это впечатляет. Ты прекрасно его воспитала, Вэлери.

– Спасибо, – ответила Вэлери. – Я очень ценю, что ты так считаешь.

Три женщины вошли в гостиную, где сидели еще восемь дам с тарелками на коленях и бокалами в руках, делясь последними новостями. В эту смешанную группу входили представительницы всех рас, возрастов, уровней образования, а теперь к ним присоединилась и Джулия, которая благодаря удачному замужеству была успешнее их всех. Какой безумный поворот, думала Джулия, что эти женщины думают, будто она, полжизни прожившая в расшатанном трейлере, исключенная из школы, смотрит на них свысока.

Решив проводить собрания у себя, Вэлери приобрела шесть раскладных металлических стульев, дополнив интерьер, включавший в себя длинную серую кушетку, небольшой зеленый в полоску диванчик, журнальный столик и чайный столики, высокий и узкий книжный шкаф и железную трехъярусную подставку для цветов, почти полностью закрытую пышными обитателями. Телевизора не было. Это больше всего впечатлило Джулию. В ее новом доме стояло... (ей пришлось посчитать) шесть телевизоров, и все они были «умными» устройствами, подключенными к сверхскоростному интернету. Кроме того, Брэд установил по всему дому аудиосистемы и системы безопасности, которыми мог управлять удаленно с помощью приложений на своем телефоне. Они оборудовали автоматизированное ландшафтное освещение и ирригационную систему. Брэд обожал новые технологии. Он предложил Джулии онлайн-шопинг и еду с доставкой на дом, чтобы у нее оставалось больше свободного времени для... чего? Она *обо-жала* катить тележку по супермаркету, не торопясь, изучать разнообразные продукты, супы и соусы, сорта кофе, пасты, выпечки... Если что-то и позволяло ей почувствовать себя королевой в этой новой, *отремонтированной* жизни, так это возможность иметь достаточно времени

и денег, чтобы позволить себе покупать любую еду. Иногда она брала дешевые спагетти и ела втайне от всех, когда никого не было дома.

Келли Ханс, белая медсестра, жившая на соседней улице и пригласившая сюда Джулию, сказала:

– Девочки, это Джулия Уитман, новая жительница Оак Нолла. Она сказала мне, что любит читать, и я поняла – наш клуб для нее! Она здесь впервые, поэтому будьте милыми.

– Когда это мы бываем не милыми? – спросила Белинда Джонсон и загоготала.

– Мы помним, как в прошлом месяце вы с Эстер сцепились из-за Лолиты – была она соучастницей Гумберта или нет, – напомнила Келли.

– Ну, это был дурацкий спор.

– А где Эстер, кстати?

– Видимо, дома, точит нож на Белинду, – ответила Вэлери. – Шучу. Она мне звонила. Хэнк плохо себя чувствует. Она сказала, что хотела бы прийти, но только если ему станет лучше, так что...

– Хэнк заболел? А что случилось?

– Кашель, слабость – они сейчас проходят тесты. Эстер говорит, возможно, что-то с сердцем. Ему почти восемьдесят, – пояснила она Джулии. – У него уже давно проблемы со здоровьем.

Джулия слушала, как женщины обсуждают идею навестить Эстер и Хэнка. Вот что значит быть частью общества, думала она. Все эти женщины знакомы, все заботятся друг о друге – и ей приятно просто находиться с ними в одной комнате. Хотя и жаль заболевшего Хэнка, кем бы он ни был.

В старом районе все происходило иначе. Семьи были едва знакомы, все занимались своими делами. Джулия лишь немного сблизилась с тремя женщинами, чьи дети тоже учились в Блейкли и которые тоже играли в теннис. Да, конечно, все они здоровались друг с другом, встретившись на улице, но никому бы в голову не пришло принести гостинцы заболевшему соседу. Может быть, потому что в старом районе не было пожилых людей – все были молоды. Если кто-то заболел, он никому об этом не рассказывал. А если там и был книжный клуб, то Джулия о нем не слышала.

Понемногу женщины перешли к обсуждению книги: возникла живая дискуссия, иногда переходящая в спор, но не в ругань. Джулии было по душе, что даже такое личное занятие, как чтение, может сблизить людей. Ей нравилось слушать, как эти образованные женщины со знанием дела обсуждают прочитанное. И вместе с тем она заметила, что, хотя за разговором они то и дело подкладывали еду в свои тарелки, фуа-гра оставался нетронутым, не считая небольшого кусочка, который съела она сама. Потом, когда все разошлись и Джулия помогала Вэлери убирать посуду, она сунула баночку обратно в пакетик из вошеной бумаги и с натянутой веселостью сказала:

– Боюсь, он впечатлил вас куда меньше, чем книга.

– Не переживай. У людей разные вкусы.

– Вы считаете меня слишком пафосной, да? Скажи, я не обижусь.

– Да? – Вэлери пристально посмотрела на Джулию, желая понять, в самом ли деле она не обидится. – Ладно, я тебе скажу. Дело не в пафосе, хотя, может быть, пара человек действительно так решили. Например, Марта – та, что сидела слева на диванчике – просто ненавидит буржуазию, так что никогда тебя не полюбит, но ты не расстраивайся, потому что дело тут не в тебе. Ну а что касается остальных – причина в том, как готовят фуа-гра. Птиц насильно кормят, чтобы у них была жирная печень. Засовывают трубки им в горло. Это просто чудовищно.

Представив себе картину, Джулия пришла в ужас.

– Я... Господи, я не знала. Откуда ты... откуда вы все это знаете?

– Об этом много писали в СМИ, и мы обсуждали.

– Лучше бы ты мне не рассказывала, – Джулия вздохнула. – Брэд так любит фуа-гра.

Она опустила баночку в мусорное ведро и тут же об этом пожалела – так получилось еще хуже, чем просто съесть паштет, а если бы она принесла его домой, Брэд с удовольствием съел бы. Но тогда ей пришлось бы объяснить, почему женщины не дотронулись до угощения, и он наверняка назвал бы их страдальцами и еще как-нибудь похуже, и может, даже поднял бы эту тему на вечеринке в честь новоселья, которую они собирались закатить... так что она оставила баночку в ведре.

Вэлери вынула баночку и переложила в компостный ящик, сказав при этом:

– Незнание, конечно, избавляет от ответственности, но гусям и уткам не поможет. Хотя, возможно, не поможет и знание. Люди ведь продолжают покупать фуа-гра и многое другое, что я хотела бы запретить. Я уж молчу о пластике! Но все же я делаю все возможное, просто чтобы не стыдно было смотреть на себя в зеркало. Как бы то ни было, – добавила она, – сегодня хорошо посидели, правда? Тебе понравилось?

Джулия кивнула.

– Вы так все книги обсуждаете?

– Иногда чуть более страстно. Ты же слышала о «Лолите». Читала эту книгу?

Джулия покачала головой.

– Ну, слышала, конечно. Там про девочку, которая совратила... соблазнила...

– Не совратила и не соблазнила, – поправила Вэлери. – Ей всего двенадцать, ее похитили и принудили к сексу. Можно сказать, изнасиловали.

– Ой. Прости, я не в теме. А Эстер – та, о которой вы говорили – думает, что девочка сама виновата?

– Эстер восемьдесят один год, – сказала Вэлери, – и она очень консервативных взглядов. Она считает, что если у девушки был секс до свадьбы, даже если ее заставили, то она сама так или иначе спровоцировала мужчину. Девушка не должна одеваться определенным образом, и смотреть на мужчину, и оставаться с ним наедине, и вообще оставаться одна – ну, сама понимаешь, какими стереотипами она мыслит. Белинда очень рассердилась. И я тоже, честно говоря. Так много женщин травмированы мужчинами и к тому же еще подобным отношением! Неудивительно, что они не заявляют в полицию и вообще никому не говорят.

– Да, – Джулия кивнула. Помолчала немного, потом сказала: – Так вышло и со мной. Мне было тринадцать, это был начальник мамы. Ну, один из начальников.

Она посмотрела на Вэлери и увидела – что? Понимание? Да. Женщины могли отнестись к ней с пониманием – Джулия не знала точно, но чувствовала, что эта группа примет ее, если она приоткроет им свое прошлое. Вино развязало ей язык, о чем она ничуть не жалела. Ей хотелось, чтобы женщины ее приняли. Хотелось, чтобы у нее появилась новая подруга, именно эта подруга, Вэлери, о которой Келли сказала, что она – связующее звено. Блестящая темная кожа, глаза, в которых светились ум и живой юмор, улыбка, согревавшая всех. «Она как мать-Земля, – сказала Келли, – заботится обо всех, но ни на кого не давит». В отличие от матери Джулии, которая перегибала палку всегда и во всем.

– Моя мать мыла полы в нескольких домах, – продолжала Джулия, – и иногда брала меня с собой, чтобы я помогла. Я мыла спальню наверху, а она – кухню, и этот мужчина, он просто пришел, и запер дверь, и... – она помолчала, вспоминая ужасные, болезненные несколько минут, изменившие всю ее жизнь. – Он сказал: «Ты такая горячая. Мне нужна всего пара минут». Мне было так стыдно, я так боялась, что маму уволят, если я начну отбиваться или кричать. У нас *не было* денег. Мы едва могли платить за аренду паршивого трейлера, где жили.

– Мне так жаль, – Вэлери сочувственно пожала руку Джулии.

– Спасибо, – ответила Джулия и пожала плечами. – Это было очень давно.

– Сколько тебе? Тридцать...

– Четыре. Я родила Джунипер в семнадцать.

Вэлери вновь сжала ее руку, затем принялась отмывать бокалы.

– Со мной ничего такого ужасного не случилось, – сказала она, – но был один парень – мы звали его дядя Рэй – живший над нами. В Мичигане. Дядя Рэй был жутким. Любил спуститься за газетой в одном халате и, если родителей дома не было и он знал, что я одна, раздвинуть полы халата и как следует все мне продемонстрировать. Может, и моим младшим сестрам тоже. Я никому ничего не рассказывала, и мы вообще это не обсуждали. С каждой может случиться такое дерьмо, правда? Все, что мы можем – воспитать наших сыновей, если они у нас есть, порядочными людьми.

– И защитить дочерей от подобных ситуаций, – добавила Джулия. – Я стараюсь, как могу. Брэд – замечательный отец, куда строже, чем мой. И у него большое сердце. Может быть, наши правила кому-то покажутся старомодными, но девочкам они на пользу. Какое счастье, что я вышла за него замуж и мне есть с кем разделить трудности воспитания. Джунипер никогда не была трудным ребенком, но растить ее одной...

– Так Брэд – не отец Джунипер?

– Нет. Ей было десять, когда мы поженились. Лилия – от него. Но он любит Джунипер как родную дочь. Есть же на свете чудесные мужчины.

– Я когда-то была замужем за одним из них.

– Может, еще будешь.

– Ну, посмотрим. Я встречаюсь кое с кем, – призналась Вэлери. – Он ничего.

– А наш дом? – Джулия указала в его направлении. – Это все – идея Брэда. Он запатентовал одно крутое изобретение и хотел порадовать нас с девочками.

– Очень щедро.

– Это да, – Джулия решила не рассказывать о пляжном домике, который он тоже для них приобрел. Они делились самым сокровенным, и она боялась показаться хвастливой и разрушить многообещающее начало.

– Ну ладно, – сказала она, – я пойду. Лилия любит, чтобы я читала ей перед сном. Было так чудесно пообщаться с тобой. Я рада, что мы соседи.

– Придешь к нам через месяц? – спросила Вэлери, включая свет возле двери.

– Хотелось бы.

– Здорово. Уверена, мы еще и до этого увидимся – я много времени провожу в саду. Устраиваю пруд. Зай шутит, что я собираюсь заменить его на рыбу.

– Мои ворота всегда открыты, – сказала Джулия. – Услышишь, как мы плещемся в бассейне, присоединяйся.

– Может, и приду.

Пожелав Вэлери спокойной ночи, Джулия побрела через лесистый двор, остановилась, чтобы взглянуть на бесконечные ветви большого дуба. Это было впечатляющее дерево, и ей нравилось смотреть на него из окна кухни.

Она пришла домой в хорошем настроении, чуть подвыпившая и довольная тем, как прошел вечер, особенно разговором с Вэлери – разве что немного расстроилась из-за фуа-гра. Было так трудно понимать современный мир. Да, незнание избавляет от ответственности, особенно когда ты совершил нечто ужасное перед лицом прекрасно осведомленных людей, возмущившихся твоим невольным проступком, но слишком вежливых, чтобы указать тебе на это.

* * *

Еще Джулия не могла понять, насколько искренне Вэлери сказала «может, и приду», но это в любом случае хорошо – значит, Вэлери не держала на нее зла. Теперь она чуть получше узнала Джулию, и, видимо, соседка ей понравилась. Проблема была в Брэде. Это из-за него Вэлери предпочитала находиться по ту сторону забора.

Джулия была только невольной сообщницей (или мы скажем даже – совместно действующей жертвой) своего супруга с его амбициями и желаниями.

Глава 8

Нам еще предстояло узнать, почему Джунипер Уитман порой нужно было остаться наедине с собой. Но в тот вечер, спустя две недели после переезда ее семьи в Оак Нолл, мы знали только то, что знал Ксавьер Алстон-Холт: она была красивой. Она казалась очень тихой. Можно было назвать ее *книжной девочкой* – мы считаем это комплиментом.

Вечер, конец мая. Время, когда многие ребята отправляются смотреть на светлячков и наслаждаться птичьей какофонией, слушать, как поют на закате зяблики, овсянки, синицы и пересмешники. Для Джунипер вечер был своего рода укрытием: она могла бродить по улицам и не ощущать, что на нее все смотрят, думая: *Орлеанская дева. Чокнутая*. Хотя дело было даже не в том, что так считали ее одноклассники.

– Ты же не пойдешь бегать в такое время, – сказал Брэд, глядя, как она обувается, сидя на скамейке в прихожей. Он отдыхал в гостиной, «приемной», как ее называли Джулия и декоратор. Здесь были четыре больших мягких кресла, и подсвеченные картины на стенах, и ковер, подделанный под шкуру зебры. И Брэд, сидевший очень тихо, видимо наблюдая за закатом. Джунипер не заметила бы его, если бы он не заговорил.

– Да нет, просто прогуляюсь, – ответила она.

Спортивный сезон уже закончился, и она сократила тренировки с шести до четырех в неделю. Джулия возила ее в центральный парк, где она бегала по размеченным дорожкам. Ей больше нравилось в лесу, где воздух был свежее, где она бегала вдалеке от машин, вдалеке от школы, от дома, от ее жизни. Нравилось любоваться птицами и оленями, нравилось смотреть, как солнце превращает лес в пышный и зеленый сказочный мир. Нравилось стволы деревьев, выстроенные вдоль дороги, как часовые – могучие, готовые всегда защитить. Нравилось разнообразие растений, названий которых она не знала, но, заметив что-то необычное, останавливалась, смотрела, делала фото, которое *нормальный* подросток выложил бы в Инстаграм, но Джунипер, для которой социальные сети были запрещены, сохраняла в альбом на телефоне, распечатывала и вешала у себя в комнате. Джулия часто проверяла ее телефон.

– Жду тебя к девяти, – сказал Брэд.

– Хорошо, – ответила Джунипер, поднимаясь со скамейки. – Но знаешь, мне почти восемнадцать. Нет ничего страшного, если я задержусь до темноты.

– Прости. Я имел в виду... это хороший район, но мы не всех здесь знаем. Я просто забочусь о твоей безопасности.

Он не беспокоился, когда она бегала в парке, так почему беспокоился теперь?

– Обещаю, что все будет в порядке.

– Телефон у тебя с собой?

– Да, – она вынула его из кармана, показала Брэду.

– Ну давай. Хорошей прогулки.

Джунипер закрыла за собой дверь и побрела по короткой тропинке из каменных плит к тротуару. Теплый воздух был тяжелым и влажным, небо – кобальтовым над головой и кроваво-оранжевым на горизонте. Уже показалось несколько звезд.

Она думала – что значит *хороший район*? По мнению ее родителей – такой, где живут похожие на них люди: белые, обеспеченные, очень заинтересованные в том, чтобы произвести правильное впечатление (как мама) или добиться правильного восприятия (как Брэд). Хотя, если говорить откровенно, население нового района было смешанным, и к тому же и Брэд, и ее мать работали как проклятые, чтобы добиться богатства. Никто не вручил им его на блюде; разве что женитьба Брэда на ее матери стала настоящим подарком судьбы. Жизненно необходимым подарком. Джунипер соврала бы, если бы сказала, что не была так же счастлива,

как Джулия, когда их вытащили из зыбучего болота. Для десятилетней Джунипер Брэд стал героем, спасителем, самым любимым человеком в мире.

С тех пор так много изменилось, и ей не обо всем было приятно думать – но как она могла удержать под контролем свои мысли? Они не всегда ей подчинялись, и вот теперь она оказалась в этом районе, где дома расположены так близко, и вокруг постоянно люди, и Брэд сидит в темноте...

Джунипер остановилась и глубоко, с трудом вдохнула. Не думай об этом, сказала она себе, выдыхая, и продолжила путь.

Дом Уитманов был полностью достроен, и Джулия превращала его в произведение искусства, советуясь с декоратором в выборе каждого предмета мебели, каждой подушки, лампы, ковра. Все комнаты были выкрашены в соответствии со «сложной палитрой» светло-серых и светло-голубых оттенков, дополненных «брызгами цвета» – яркими картинами на стене и безумно дорогими диванными подушками. Джунипер видела счет от декоратора: девяносто четыре доллара за каждую подушку. За девяносто четыре доллара можно было спасти маленький клочок тропического леса, помочь Земле дышать чуть дольше.

Или взять собаку из местного приюта. Лилия умоляла завести собаку – «ну хотя бы маленькую, она будет спать со мной, я буду кормить ее и выгуливать, обещаю», – и Джулия, казалось, уже готова была сдаться. Но теперь появился ковер за три тысячи долларов, и идеально белая мебель в гостиной, и ковры из стопроцентной шерсти, привезенные из Новой Зеландии, во всех спальнях, так что Джунипер понимала – не будет никакой собаки, ни кошки, ни кролика, ни даже хомяка, потому что хомяков они уже проходили, когда Джунипер было десять и Джулия решила сделать ей подарок в честь своей свадьбы с Брэдом и их переезда в «стартовый дом», как выражался Брэд. Хомячиха родила шестерых детенышей и четырех из них съела, шокировав Джунипер, которая не знала, что так бывает.

Теперь Джунипер уже семнадцать, и она понимала о жизни куда больше. Все семь лет родители ограждали ее от жизни, но, несмотря на это, она знала довольно много. Может быть, недостаточно много, иначе, дойдя до угла улицы и выйдя на соседнюю, туда, где жил Ксавьер, и, увидев его с друзьями, сидевшими на багажнике машины под только что включенным фонарем, она не остановилась бы поболтать.

Более умная, осторожная Джунипер сказала бы только «привет» и пошла дальше по длинной улице до угла и назад, и вернулась бы домой более или менее в том настроении, в котором ушла. Ну, может быть, в чуть лучшем, потому что немного прогулялась. Но на этом наш сюжет начал бы близиться к концу.

Так что вместо того чтобы обвинять Джунипер в событиях, предвидеть которых она не могла, мы лучше похвалим ее за дружелюбие, за то, что она не боялась темнокожих мальчишек, как многие белые девушки, особенно на юге. Ведь даже мы нашим коллективным, пусть и неидеальным разумом не могли предугадать беду.

Когда она подошла ближе, Ксавьер помахал ей.

– Джунипер, верно? Как дела?

– Да нормально. А у тебя?

– Все отлично, – ответил он и указал на одного из своих приятелей. – Это мой друг Джозеф.

– Привет, – сказал Джозеф, внешне полная противоположность Ксавьера: невысокий, бледный, со светлыми заплетенными в дреды волосами. Джунипер, кажется, никогда не видела белого подростка с дредами.

– А это Дашон, – Ксавьер указал на второго мальчишку, куда более темнокожего, чем он сам. Волосы Дашона были такими пышными и кудрявыми, что Джунипер захотелось до них дотронуться, попробовать, насколько они пружинисты. Но, конечно, если бы она и решилась,

парнишке это могло не понравиться, как ей не нравилось, когда чужие люди касались родимого пятна у нее на предплечье.

– Привет, Джунипер, – сказал Дашон. – Рад знакомству.

– Джунипер живет по соседству со мной, – Ксавьер указал в направлении ее дома. Джозеф присвистнул.

– Да, я понял, про какой вы дом. Круто вы, ребята, все там перерыли.

– Она учится в Блейкли, – добавил Ксавьер.

– В выпускном классе, да?

– Увы, еще год остался.

– Да ладно, – успокоил Ксавьер, – он пролетит, не заметишь. Мы тут хотим уже идти в дом, поиграть чуть-чуть. Я на гитаре, тут ничего удивительного, а Джозеф на саксе – альт и тенор.

– И баритон.

– И баритон, – эхом повторил Ксавьер. Молодые люди стукнулись костяшками пальцев. – Дашон – классный барабанщик. Я решил попробовать себя в джазе, просто для развлечения, и они терпят мою бездарную игру. Хочешь послушать?

Когда в жизни Джунипер встречались настолько прекрасные молодые люди? Никогда – вот ответ. Ксавьер Алстон-Холт не только красив (по мнению Джунипер, почти идеален), он талантлив и общителен, и она им восхищалась. В тот первый день, когда они с матерью пришли познакомиться, он вел себя как полноправный взрослый: спокойный, уверенный, разбирающийся во всех вопросах, вежливый, но без карикатурности. Большинство ее знакомых мальчишек вели себя со взрослыми наигранно или льстиво, будто знали, что намного умнее них, но вынужденно делали вид, что все иначе. Ксавьер же... Джунипер сказала бы, что у него есть своя *позиция*. И она это оценила. Не то чтобы она собиралась его оценивать, но что тут можно было поделаться? Ничего. Но она и не *хотела* ничего с этим делать – вот что ее удивило.

– Спасибо, – ответила Джунипер, – но мне пора возвращаться. Брэд думает, что, если я приду позже девяти, на меня нападут вампиры.

– Твой брат? – спросил Дашон.

– Отчим.

– Глава «Систем климат-контроля Уитмана», – добавил Ксавьер.

– А, я его знаю, – сказал Джозеф. – Ну не то чтобы лично...

– Видел рекламу, – предположила Джунипер, и Джозеф кивнул.

– Он нормально общается с твоим настоящим отцом? – спросил Джозеф. – Мои друг из друга все дерьмо выбить готовы.

– Я не знаю своего настоящего отца. Он не... ну, мы никогда не общались, – она осеклась. – Я даже не знаю, кто он.

– Бывает, – Джозеф вздохнул, остальные кивнули, и Джунипер ощутила гордость, что нашла в себе силы поделиться с ними чем-то личным.

– Со мной такого дерьма не случится, – сказал Дашон. – У меня все под контролем.

– Спасибо за ценную информацию, – ответил Ксавьер и спросил Джунипер: – Может, позвонишь и спросишь Брэда, разрешит ли он тебе зайти к нам? У меня вампиры тебя не схватят, ну, кроме вот этого, – он в шутку пихнул Джозефа локтем. – И мама дома, если это важно.

Джунипер задумалась: может, и правда сказать Брэду, что ее пригласил в гости Ксавьер.

– Ладно, попробую, – она вынула из кармана телефон, но позвонила не Брэду, а матери.

– Привет. Я тут прошлась и встретила Ксавьера – нашего соседа, помнишь? – с друзьями, и он ненадолго пригласил меня к себе. Мисс Алстон-Холт дома.

– С какими друзьями? Мальчиками, девочками?

– Ну, мальчиками...

– Плохая идея, – отрезала Джулия. – Ты и сама знаешь. В любом случае пора домой. Уже почти девять.

– Ты серьезно? Сегодня же пятница!

– Ты знаешь правила. О таком договариваться надо заранее. Иди домой. Мы с Лилией смотрим «Холодное сердце», можешь к нам присоединиться.

– Ладно.

Джунипер убрала телефон обратно в карман и сказала ребятам:

– Извините, не могу.

– Ну, в другой раз, – предложил Ксавьер, и Джунипер вспыхнула от удовольствия.

– Они всегда такие суровые? – спросил Джозеф. Девушка пожала плечами.

– Ну, они просто обо мне заботятся...

– По телику Брэд кажется милым, – заметил Дашон.

– Он и так милый. Просто... ну, они немного старомодные. Я и не ожидала, что они согласятся, но решила попробовать.

Последние слова Джунипер произнесла, обращаясь к Ксавьеру, и за них она была вознаграждена его легкой улыбкой, которой восхищались все пожилые леди Оак Нолла. Джунипер подумала, что тоже восхищалась бы им, будь у нее такая возможность.

Глава 9

Мы не станем утверждать, будто за несколько недель поверхностного знакомства поняли, что собой представляет Брэд Уитман, несмотря на его общительность и доступную информацию о нем в интернете. Общаясь, он предпочитал сам задавать вопросы собеседникам, выслушивать их, давать почувствовать себя интересными. О себе он не рассказывал почти ничего, кроме самых общих фактов. Но в жизни он был таким же очаровательным, как и на экране телевизора.

Местные газеты и бизнес-журналы любили писать о нем, о мальчике из Северной Каролины, который сделал себя с нуля, вытянул себя, как говорит пословица, за шнурки ботинок, и основал компанию, известную каждому – теперь мы на каждом шагу видели сине-золотые служебные автомобили и фургоны. Жаркая погода означала проблемы с кондиционерами. Холодная погода означала проблемы с отоплением. Для Брэда проблему составляли только лишние деньги в банке.

Все техники, работавшие в его компании, были приличными, честными, вежливыми и все без исключения белыми людьми, потому что Брэд понимал особенности жителей Юга: очень многие из них не открыли бы дверь цветному человеку, особенно темнокожему, и неважно, каким он был бы вежливым и приличным. А Брэд не мог позволить себе терять покупателей из-за их иррациональных страхов. Он был, как все мы признали, практичным – возможно, чересчур практичным, хотя точно знать мы не могли.

Мы, конечно, пытались понять, кто он такой и что двигало им каждый день, едва он вставал с постели на сотканный вручную ковер из белоснежной шерсти альпака, подобранный декоратором в тон супружеской кровати Брэда и Джулии. Но истинное понимание (хотя слово «понимание» тут, пожалуй, слишком сильное) пришло позднее; тем летом мы почти его не видели, поскольку он был слишком занят своим бизнесом.

* * *

– Твоя компания процветает, – сказал Марк Льюис, бухгалтер и друг Брэда. Он только что представил Брэду полугодовой отчет, и «процветает» звучало слишком слабо. – Ты еще никогда не был в такой прекрасной форме.

Они сидели в кабинете Брэда в одной из штаб-квартир компании, которых у него было семь в четырех разных городах. Кабинет, маленький и опрятный, в серых тонах, выглядел почти безличным. Удобный стол. Высокий шкаф для бумаг. Старый диван – первый диван Брэда, оставшийся с тех пор, когда он жил в квартире-студии и питался разогретыми в микроволновке лазаньями и буррито, только-только начиная свой бизнес. Марк сидел на пластиковом стуле из ИКЕИ, а Брэд – за столом, в шикарном кожаном кресле от Eames Executive, может быть, самом удобном кресле в мире и, без сомнений, самом удобном в жизни Брэда.

– В прекрасной форме? – Брэд похлопал себя по животу. – Надо бы мне почаще бывать в спортзале.

– Может, теперь у тебя появится на это время, – предположил Марк. Как и Брэд, он надел дизайнерскую рубашку-поло, но натянутую совсем не так туго. – Будешь пореже бывать здесь, почаще в спортзале и на свежем воздухе. Ты вроде говорил, что хочешь купить лодку.

– Я и сейчас скажу. Обычно я что говорю, то и делаю, – заверил Брэд. – Это факт.

– О чем и речь! Ты в отличной форме, приятель. Ты уже купил пляжный домик; осталась только лодка, и можно отправляться ловить рыбу-меч.

– Может, лодку, – задумчиво сказал Брэд, – а может, и парусник.

Марк закрыл папку с файлами, убрал в портфель.

– Все лодки хороши, чтобы отправиться в плавание. Главное, выбрать подходящую. Лодка – именно то, что тебе нужно. Ну и помощник капитана, разумеется.

Брэд рассмеялся.

– Думаю, знаю, кого позову. И кстати, вы с Кэрри придете на нашу маленькую вечеринку?

– На новоселье? Само собой. И если хочешь, свяжу тебя с Эдом Левинсоном, агентом по купле-продаже лодок.

– Ты так меня убеждаешь, что мне кажется, для тебя тут какая-то выгода.

Марк покачал головой.

– Разве что удобно, когда у друга есть лодка, чтобы не покупать свою.

– Не пойму, ленивый ты или умный.

– Когда речь о лодках – и то и другое, – Марк поднялся, и Брэд вышел из кабинета вместе с ним. – Подумай об этом, и насчет остального тоже, ладно?

– Я не молодею, вот что ты хочешь сказать.

– Никто из нас не молодеет. Карпе, мать его, дием⁶, пока можешь.

– Ты настоящий поэт, друг мой. Но это не повод оставлять бухгалтерию.

Когда Марк ушел, Брэд вернулся в кабинет, вытянул ноги и положил на стол, в кои-то веки пытаюсь расслабиться. Представленный отчет оказался именно таким, как он и думал, и над советом – поскольку Марк всегда был разумным и давал ценные советы – стоило задуматься.

Может, пришла пора остановиться? Восемь филиалов компании «Системы климат-контроля Уитмана» работали безотказно, давно и многократно покрыв расходы и принося все больше прибыли. Доволен ли он маленьким королевством, которое построил, или хочет еще больше расширить его пределы? Растущими компаниями нужно заниматься, и это потребует времени, а время стало тем ресурсом, который он больше не мог тратить. Двадцать лет напряженной работы – да, они окупились, но теперь он жаждал новых радостей, новых впечатлений. Он не хотел, чтобы работа стала его жизнью.

Его бизнес начался даже не с нуля, а с минуса: четырех тысяч долларов долга, на которые он рассчитывал изучить предметы, вряд ли способные чем-то помочь. Философию. Психологию. Социологию. Английский. Очень общий курс естественных наук и математики. Как он собирался использовать всю ту чепуху, которой его напичкали бы на этих лекциях? Да, кое-что его интересовало, но он пришел в колледж, чтобы получить диплом в сфере электромеханики, а расписание первого курса битком набили так называемыми общеобразовательными предметами.

В середине второго семестра он вышел из аудитории во время невыносимо скучной лекции по теории композиции, пришел в деканат и отчислился. Потом записался на курсы изучения систем климат-контроля, обеспечившие его работой непосредственно в той области, которая была так же интересна, как и выгодна. Так он совершил свой самый умный поступок – о чем всегда говорил, когда заходила речь об учебе. И еще говорил, что оказался слишком умным для колледжа. Это он сказал и Джунипер вчера вечером.

– Я оказался слишком умным для колледжа, и если честно, зайка, я думаю, что ты тоже слишком умная. Нет никаких причин отправляться в Вашингтон или куда бы то ни было. Тебя там не научат ничему, что может пригодиться в будущем.

Они сидели в гостиной, Джулия в спальне читала Лилии перед сном. Брэд переключал каналы, Джунипер с ноутбуком на коленях изучала программы колледжей.

– Это зависит от моего будущего, разве нет? – спросила она.

– Конечно, конечно. Но если тебе повезет, ты свяжешь его с любящим и заботливым человеком, так что тебе вообще не придется работать. Будешь летать отдыхать в Сиэтл.

⁶ Carpe diem – лови мгновение (лат.).

– Может быть.

– А работа... ну что ж, это просто работа. Главная радость моей жизни – заботиться о вас, девочки, чтобы ваша жизнь стала легче. Кому бы это не понравилось? Твоей маме нравится.

– Но я хочу работать, – сказала Джунипер, – даже сейчас. Мне нужно чем-то занять лето, чтобы не умереть от скуки.

– Я тебя понимаю, – ответил он, и вдруг его осенило. – Приходи работать ко мне. Нам как раз нужен кто-то, чтобы помогать с отправкой товаров.

– Работать у *тебя*? – удивилась Джунипер. – Не знаю, смогу ли... Ну то есть может быть. Но я хотела сначала попробовать устроиться в другие места, посмотреть, как пойдет.

– Мне нужен кто-то, чтобы однажды передать ему бразды правления, – эта мысль возникла за секунду до того, как Брэд ее озвучил. – Я могу научить тебя всему с нуля.

Она изумленно посмотрела на отчима.

– Я думала, ты согласен с преподобным Мэтьюсом, что задача женщины – быть женой и матерью. Ты же и сам так говорил.

– Ну да, но если ты так уж хочешь работать, лучшего варианта для тебя не найти. Семейный бизнес. Не вижу причин, почему бы так не поступить.

Джунипер наклонила голову, осмысливая услышанное.

– Никогда не думала, что ты такое предложишь. К тому же не факт, что я захочу там работать. Без обид.

– Я полон сюрпризов, – сказал он. – Дай старому Брэду шанс.

Она посмотрела на него, затем снова уткнулась взглядом в экран.

– Не такой ты и старый.

– Через месяц сорок семь – ну да, не такой и старый. Не *слишком* старый.

Конечно, он не мог допустить, чтобы возраст или что-то еще не дали ему осуществить задуманное. Он никогда не собирался такого допускать.

– Ты подумай, ладно? – сказал он. – Все, что я хочу тебе сказать – подумай. Я буду платить тебе на десять процентов больше, чем в любом другом самом лучшем месте.

– Хорошо, подумаю.

Лучшего сценария, чем работа бок о бок, он и придумать не мог. После этого разговора Брэд еще долго лежал в постели, думая, как будет обучать Джунипер, прежде чем передать ей руководство фирмой. Ей вообще не придется идти ни в какой колледж. Она будет рядом, и он сможет видеть ее каждый день. Джулии это тоже понравится. Будет как с ней – когда Брэд сидел за своим столом и смотрел в коридор, он видел ее за стойкой регистрации. Обычно она отвечала на звонки, но иногда приходили покупатели с вопросами, или, что бывало редко, с жалобами. Джулия хорошо общалась с людьми, и с ним тоже. Когда она уже после помолвки приходила на работу и опускала жалюзи, чтобы он мог немного расслабиться, он не возражал. Она знала, как высоко Брэд ценит ее таланты.

В своей жене он ценил все. Они встретились, когда он уже до смерти устал от свиданий и знакомств в клубах и барах. Все эти женщины слишком сильно старались. Ему нравились их попытки произвести впечатление: искусно уложенные волосы, длинные накрашенные ногти, короткие платья и высокие каблуки, щедрый макияж и накладные ресницы – почему бы и нет? Он брал все, что они ему предлагали, но этим женщинам чего-то не доставало, хотя, пока он не встретил Джулию, он не понимал, чего именно. Потом понял. За впечатляющей внешностью Джулии (хотя, ввиду нехватки возможностей, совсем не такой ухоженной, как теперь) скрывалось упорство и стойкость, и кое-что еще: искренняя потребность в нем. Правда, их интимная жизнь в последнее время стала унылым супружеским долгом. Джулия так много времени проводила с девочками – пианино, бег, танцы, футбол, классные мероприятия; особенно это касалось Лилии. Она была образцовой матерью, дочери – ее жизнью. Она могла быть мягкой, но

если дело касалось дочерей, становилась непреклонной. Решение стать членами церкви Новой Надежды на сто процентов принадлежало ей. Он согласился – церковная скамья, на которой он теперь протирал штаны по воскресеньям, его публичному имиджу не вредила, и он верил, что «сообщество веры и любви» может быть полезным Джунипер, когда она войдет в переходный возраст. Джулия была за все благодарна Богу и Брэду. Джунипер молилась на отчима.

Их сексуальная активность пошла на спад, еще когда Джулия была на позднем сроке беременности. Он понимал, что с круглым и тугим, как баскетбольный мяч, животом она не чувствует себя привлекательной. Понимал, что в первые месяцы после рождения Лилии тело Джулии все еще ей не принадлежало, а подчинялось уже не растущему плоду, а голодному грудному ребенку. Все это снижало и его влечение к жене.

Но дело было в том, что интерес и внимание, которые она проявляла к нему в начале совместной жизни, так и не вернулись. Она ничего не говорила и никогда не отказывала Брэду в сексе, но он видел разницу. Он ощущал ее отстраненность от процесса, ее вялость. И, если честно, все это разочаровало его в ней. Ему нравилось чувствовать себя желанным, нравилось чувствовать, что она хочет близости так же сильно, как и он, радуется каждой выпавшей возможности. Джулия не радовалась.

Если он слишком сильно об этом задумывался, ему начинало казаться, что она никогда и не ценила его самого по себе, что он стал лишь средством для достижения ее целей. Ему были неприятны эти мысли; они не только принижали Джулию, но и давали ему понять, что он совсем не такой лакомый кусочек, как ему всегда казалось. Давали понять, что его можно одурачить.

Ему нужно было почувствовать себя полным сил. Полным сексапильности. Ему, как и всем нам, не хватало уверенности.

Множество мужчин на месте Брэда не стали бы долго думать. Стриптиз-клуб, молодая коллега по работе, красивая бездетная жена соседа – если есть желание изменить, возможностей хватит. Большинству таких мужчин достаточно секса без обязательств, без привязанностей. Но Брэд Уитман был не таков. Ему не требовались проститутки и несерьезные интрижки, он нуждался в абсолютной преданности, любви, какую и сам жаждал дарить. Он не был таким, как большинство мужчин, и никогда не смог бы таким стать.

Брэду Уитману нужно все или ничего. В этом плане они с Ксавьером Алстон-Холтом были похожи.

Глава 10

На комод в новой спальне Уитманов, среди семейных снимков стояла одна странная и порой вызывающая споры фотография. На ней был Брэд Уитман в темно-синем смокинге, стоявший за спиной Джунипер в длинном белом платье с открытыми плечами, но очень простого покроя. Непрозрачное органди, ни оборок, ни рюш, ни кружев. Скрамное. Рука Брэда – на талии Джунипер. Его глаза закрыты, ее – тоже. За ними – высокая каминная доска, украшенная белыми цветами и белыми лентами.

– Это Бал Непорочности, да? – спросила Шейла Джеймисон, жена Джимми, друга семьи Уитманов, построившего дом на соседней улице. Разговор об этом зашел на вечеринке в честь новоселья Уитманов, когда Джеймисоны вдоволь налюбовались прихожей, искусно обшитой светлыми и темными кленовыми досками. – Кажется, я раньше не видела эту фотографию.

– Она стояла у нас на комод в старом доме.

– Интересное фото, – сказал Джимми.

– Интересный был вечер, – ответил Брэд.

Те из нас, кто тоже пришел на вечеринку – потому что Уитманы пригласили весь квартал – и слышал этот разговор, заметили, как Брэд запнулся и сделал акцент на слове «интересный».

– Что, – спросил Джимми, пихнув его локтем, – ты настолько верующий?

– Это хорошая практика, без сомнений. Думаю, такой же бал ждет и Лилию, когда она подрастет, – Брэд склонился к ним и продолжал чуть тише: – Правда, мне понадобилось выпить, чтобы с серьезным лицом выдержать всю церемонию; она довольно специфическая. Фото сделано, когда я уже прилично поднабрался.

– Значит, ребята из церкви Новой Надежды не против алкоголя?

– Официально он запрещен, но у нас хорошие отношения с преподобным Мэтьюсом, и он смотрел сквозь пальцы на мою фляжку. Я, конечно, старался не светиться.

Белинда, наша любительница гоготать, все это услышала. Приблизившись к беседующим, она спросила:

– Мне показалось, вы обсуждаете Бал Непорочности?

– Я восхищалась фото, – объяснила Шейла. – Оно с Бала.

Внимательно изучив фотографию, Белинда спросила:

– Я так понимаю, это бал для отцов и дочерей?

– Верно.

Белинду, жившую по другую сторону улицы от Уитманов, тянуло к Брэду. Ей хотелось слышать его, видеть, как он говорит, смотреть в его чересчур голубые глаза.

– Расскажи мне, – попросила она.

– С удовольствием, – ответил Брэд. – Бал представляет собой церемонию, где отцы обещают защищать и поддерживать дочерей, а дочери обещают хранить девственность до свадьбы.

– Сколько ей тут лет? – спросила Белинда, указав на фото.

– Кажется, четырнадцать, – Брэд задумался, потом добавил: – Да, три года назад.

– Лилии сейчас сколько, семь? – спросил Джимми. – Еще нескоро. Хотя, может, лучше озаботиться этим вопросом пораньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.